947
М 71

СВѢТОЧИ ПРОШЛАГО-ТВОРЦЫ БУДУЩАГО

В. МІЯКОВСКІЙ

РАДИЩЕВЪ

ОГНИ
ПЕТРОГРАДЪ.

10898

Я взглянулъ окрестъ меня,
душа моя страданіями чело-
вѣчества уязвлена стала.

А. Радищевъ.

Э. К.

СВѢТОЧИ ПРОШЛАГО-ТВОРЦЫ БУДУЩАГО

В. МІЯКОВСКІЙ

РАДИЩЕВЪ

49 л

146995

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

Обл. енны
Моск. с
библиоте

БИБЛІОТЕКА
КООПЕРАТИВНАГО
ИНСТИТУТА
№ 10898-80

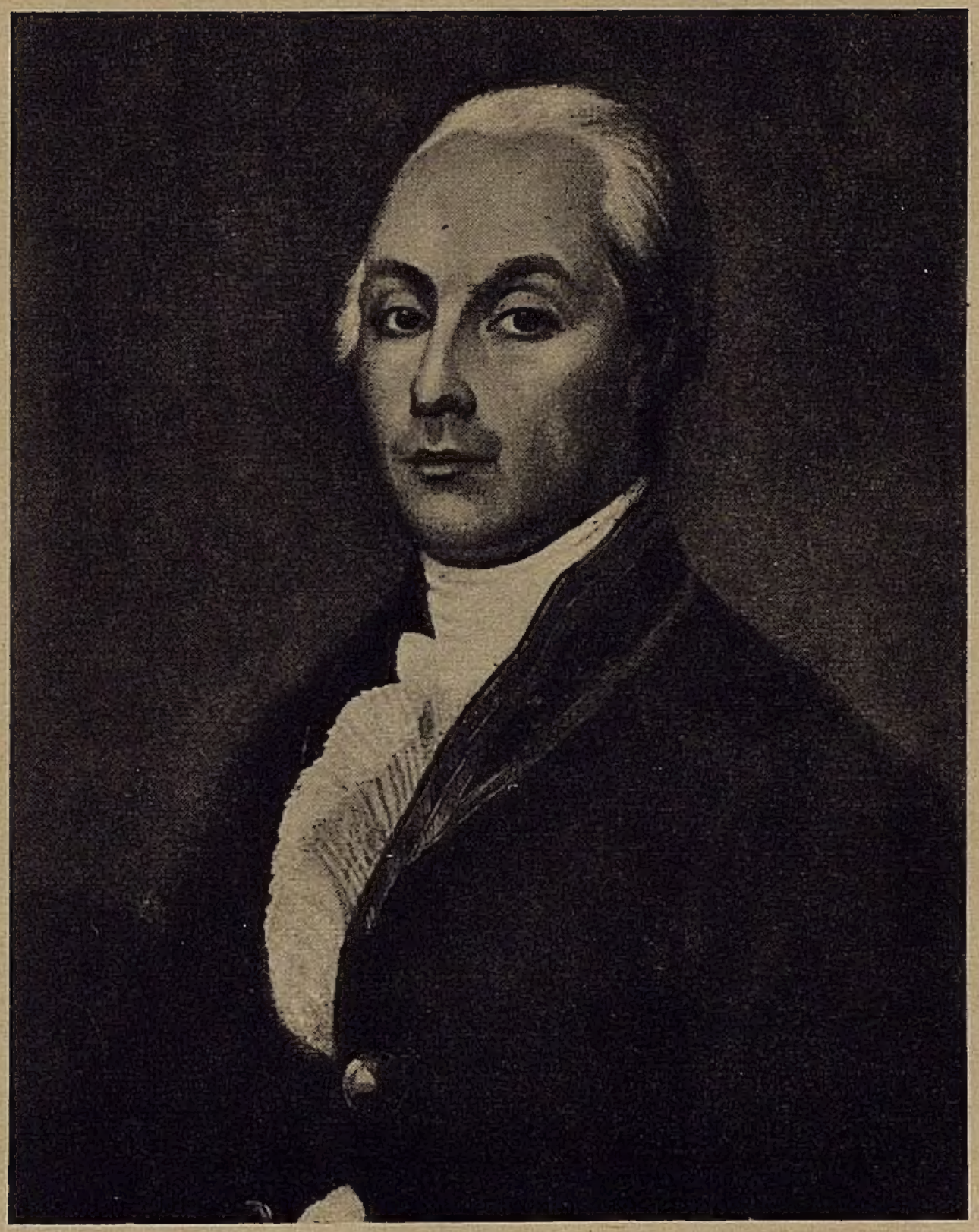
947
М71

42

ОГНИ
ПЕТРОГРАДЪ.

Межрайонный абонемент
Московской обл. библиотеки

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
Петроградъ, Звенигородская ул., 11.



Александр Радищев

I.

ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ.

Знаменитая книга. — Время Екатерины II. — Внѣшній блескъ и внутреннее убожество жизни. — Мечты и дѣйствительность.

Въ маѣ 1790 года въ книжной лавкѣ Герасима Зотова, въ Гостиномъ дворѣ, появилась новая книга. На ней не стояло имени автора, а только заглавіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Автора никто не зналъ, и цѣна книги по тому времени была высокой, но книгу покупали хорошо. Въ какихъ нибудь двѣ недѣли разошлись всѣ тѣ нѣсколько десятковъ экземпляровъ, какіе находились въ лавкѣ, а покупатели продолжали заходить къ Зотову и спрашивать книгу.

Въ Петербургѣ пошли разговоры и толки о книгѣ.

Авторъ ея, тогда еще малоизвѣстный писатель, начальникъ таможни Александръ Николаевичъ Радищевъ, самъ отпечаталъ свою книгу въ домашней типографіи и самъ снесъ къ Зотову нѣсколько экземпляровъ для продажи. Но когда увидѣлъ, что

книга возбуждаетъ у публики черезчуръ большой интересъ, испугался, поторопился спрятать свое «Путешествіе» и не далъ больше никому ни одной книжки.

А раскупленныя въ лавкѣ Зотова книги хватали изъ рукъ въ руки, выпрашивали на нѣсколько часовъ, платили за прочтеніе большія деньги. Чиновники и писатели, купцы и иностранцы проявляли острое любопытство къ книгѣ Радищева.

Толки о книгѣ дошли до придворныхъ круговъ, и скоро «Путешествіемъ» заинтересовалась сама императрица. Она прочитала книгу и нашла ее «наполненную разными дерзостными израженіями», которыя могутъ повлечь за собою неповиновеніе власти и смуту въ обществѣ.

26-го іюня былъ арестованъ ни въ чемъ неповинный Зотовъ, котораго послѣ допроса отпустили на волю. Черезъ четыре дня арестовали и автора. Радищева судили; судили строго и присудили къ тягчайшему наказанію—къ смертной казни, замѣненной ссылкою въ Сибирь на «десятилѣтнее безысходное пребываніе».

А вся вина Радищева заключалась только въ книгѣ. Честный и исполнительный чиновникъ, умный и образованный человѣкъ чуть было не погибъ на плахѣ въ то тяжелое время, когда честныхъ и образованныхъ людей было очень мало; чуть было не погибъ за то, что осмѣлился громко заявить о вопіющихъ недочетахъ русской жизни отъ крестьянской избы и до царскихъ палатъ.

Книга Радищева возбудила у своихъ читателей одновременно интересъ и отпоръ. Интересовался ею тотъ, кто самъ болѣлъ душою объ этихъ же

несправедливостяхъ суровой дѣйствительности, но самъ не умѣлъ сказать это, не находилъ словъ или боялся громко произнесть слово осужденія. Противодѣйствовали книгѣ Радищева тѣ, кто чувствовалъ за собою грѣхи, заклейменные въ Радищевской книгѣ: крѣпостничество, гоненіе на правду, лесть, взяточничество, бездушный эгоизмъ.

Среди первыхъ были передовые современники, понимавшіе весь ужасъ окружавшей ихъ жизни; но лучше всего оцѣнили книгу слѣдующія поколѣнія, напр., декабристы, для которыхъ книга Радищева стала своего рода Евангеліемъ. Среди вторыхъ была одна изъ самыхъ внимательныхъ читательницъ «Путешествія» — сама императрица Екатерина II, привыкшая думать, что государство русское процвѣтаетъ подъ ея правленіемъ. Слыша со всѣхъ сторонъ лестивыя похвалы, Екатерина увѣрила себя, что все обстоитъ какъ нельзя лучше, и голосъ Радищева, голосъ честнаго гражданина, чуждаго лести, приняла за голосъ смутьяна, бунтовщика, желающаго разрушить величіе ея царствованія.

Кто былъ правъ, показала исторія и исторія же раскрыла причину того, что царствованіе Екатерины II могло казаться величественнымъ и въ то же время быть чрезвычайно тяжелымъ въ дѣйствительности. Екатерина не знала всего, что зналъ Радищевъ и передовые современники его, вдумчиво относившіеся къ тому, чему сами были свидѣтелями въ жизни. Иностраннымъ посламъ при дворѣ Екатерины II и людямъ, сознательно закрывавшимъ глаза на народныя бѣды, царствованіе Екатерины казалось какимъ-то блестящимъ парадомъ. Роскошь двора, великолѣпные дворцы, прекрасные парки укра-

шали столицу. Въ честь сѣверной Семирамиды [1]) по лицу земли русской строились города; велись успѣшныя войны; а для мирнаго процвѣтанія заводился цѣлый рядъ воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій. На благо народа писались указы; предполагалось пересмотрѣть и обновить законы. Это бросалось въ глаза, и у Екатерины II было много хвалителей, и лицемѣрныхъ, и искреннихъ. Самъ Радищевъ, назвавшій русскую дѣйствительность временъ Екатерины «чудищемъ огромнымъ и озорнымъ», самъ Радищевъ, незадолго до смерти, воспѣлъ хвалу XVIII вѣку и двумъ его героямъ Петру I и Екатеринѣ II:

Нѣтъ, ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро,
Будешь проклято во вѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.

Безумное и мудрое столѣтіе, достойное проклятья и удивленія — въ этихъ словахъ Радищева хорошо запечатлѣлась та двойственность царствованія Екатерины, которая поражала современниковъ и потомковъ.

Посмотрите, какія чудеса разсказываетъ намъ исторія про времена Екатерины. Это не сказка и не феерическое представленіе, а былъ.

Въ 1787 году, какъ разъ въ то время, когда Радищевъ писалъ знаменитое «Путешествіе», императрица собиралась посѣтить свои новыя области — Новороссію, начавшую недавно заселяться и обрабатываться, а до того времени — пустынную степь, которая была постоянной ареной казацкихъ, поль-

[1]) Такъ называли Екатерину II по имени восточной царицы; о роскоши жизни ея сложилось много легендъ.

скихъ и турецкихъ боевъ. За 30—40 лѣтъ колонизаціи этого края возникло уже довольно много поселеній, и устройство Новой Россіи было поручено любимцу Екатерины, князю Потемкину.

Потемкинъ приготовился заранѣе къ встрѣчѣ императрицы. Онъ строилъ дворцы, прокладывалъ дороги, разсаживалъ плантаціи, устраивалъ кирпичные и черепичные заводы, сооружалъ тріумфальныя арки и ворота тамъ, гдѣ до этого времени вѣтеръ крутилъ песокъ и шелестѣлъ степными травами. На Днѣпрѣ, противъ Херсона, въ полгода былъ выстроенъ совсѣмъ новый городъ Алешинъ и заселенъ нарочно для этого привезенными украинцами. Для проведенія новыхъ дорогъ раскапывались горы, ставились верстовые столбы, сажались аллеи деревьевъ. Въ городахъ, черезъ которые должна была проѣзжать Екатерина, нѣкоторыя улицы застраивались хорошими домами и лавками, а плохіе сносились. По приказу Потемкина, вдоль большой дороги, всѣ удобныя мѣста были вспаханы и засѣяны, чтобы можно было видѣть, что «здѣшніе жители не въ праздности и лѣности дни свои провождаютъ». Заранѣе заготовлялись стада скота, которыя перегонялись съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ движенія императрицы. Въ громадныхъ житницахъ и амбарахъ, построенныхъ по дорогѣ, мѣшки, за отсутствіемъ хлѣба, наполнялись пескомъ. Толпы народа, согнанныя издалека, должны были въ нарядныхъ костюмахъ, цвѣтахъ и лентахъ привѣтствовать Екатерину. Больше того,—гдѣ еще не успѣли воздвигнуть деревень и гдѣ еще оставалась пустыня,—въ отдаленіи воздвигали декораціи, строились только фасады домовъ и построекъ. Это не сказка

и не феерическое представленіе, это былъ, разсказанная исторіей о блестящемъ путешествіи Великой Екатерины по своимъ «благоденствующимъ» областямъ. Иностранцы, бывшіе въ свитѣ, придворные и сама императрица были очарованы процвѣтаніемъ края. Люди, знавшіе до этого Новороссію и видѣвшіе ее теперь вмѣстѣ съ Екатериной, дивились всѣмъ чудесамъ Потемкина, ходили, какъ во снѣ, смотрѣли на все, какъ на привидѣніе. Потемкинъ позаботился и о лошадяхъ, которыхъ для путешествія черезъ Новороссію со всей Россіи согнали болѣе 100 тысячъ, и о яствахъ и съѣстныхъ припасахъ, которыхъ въ изобиліи навезли въ мѣста остановокъ двора. Создалось впечатлѣніе, точно счастливая Новороссія отъ изобилія своихъ плодовъ удѣлила все это матушкѣ-царицѣ. А между тѣмъ народъ былъ разоренъ этой поѣздкой. Огромныя спеціальныя денежныя взысканія съ самыхъ отдаленныхъ уѣздовъ, оторванные отъ работъ лошади и люди, принужденные возводить сооруженія, — все это тяжело отозвалось на крестьянахъ, благоденствіе которыхъ якобы увидѣли знатные путешественники. Такія страшныя жизненныя противорѣчія—внѣшній блескъ и внутреннее убожество—характерны для многихъ сторонъ царствованія Екатерины. Въ письмѣ къ Гримму, дѣлая подсчетъ своимъ заслугамъ, императрица насчитывала 88 «достопамятныхъ указовъ о законахъ и учрежденіяхъ» и 123 указа, «облегчающихъ участь народа». Еще княжной — Екатерина мечтала объ этой роли благодѣтельницы своихъ будущихъ подданныхъ. Она увлекалась серьезными произведеніями французской литературы, внимательно изучала книги по политическимъ во-

просамъ, даже дѣлала выписки изъ нихъ,—и потомъ, отнявъ престолъ у своего мужа, императора Петра III, воспользовалась пріобрѣтенными знаніями и идеями при первыхъ же шагахъ своего царствованія.

Эти идеи, на которыхъ развилась Екатерина II, принесли Франціи освобожденіе отъ стараго тяжелаго порядка—Великую французскую революцію. На этихъ идеяхъ выростали и наши первые народные заступники—Радищевъ и декабристы.

Просвѣтительная литература XVIII в. несла съ собою проповѣдь равенства и братства людей. Съ этой точки зрѣнія рабство или крѣпостное право должно было казаться чѣмъ-то нарушающимъ всякіе законы, божескіе и человѣческіе. Еще до восшествія на престолъ Екатерина думала объ освобожденіи крестьянъ. «Противно христіанской вѣрѣ и справедливости,—писала она въ своихъ замѣткахъ,—дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными». Уже императрицей Екатерина II въ своемъ Наказѣ для созданія новыхъ законовъ опять коснулась этого вопроса. Она говорила здѣсь о необходимости ограниченія крѣпостного права, и весь Наказъ вообще являлся проповѣдью человѣколюбія, гуманности. «Человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, владѣлецъ или земледѣлатель, рукодѣльникъ (ремесленникъ) или торговецъ, управляющій или управляемый—все же есть человѣкъ».

Но жизнь говорила иное. Крѣпостное право никогда не лежало на народѣ такимъ тяжелымъ бременемъ, какъ при Екатеринѣ. Несмотря на проекты освобожденія крестьянъ и облегченія ихъ участи, сдѣлано для этого было мало. И именно въ цар-

ствованіе Екатерины по восточнымъ окраинамъ прокатился мятежъ Пугачева, обѣщавшаго волю крестьянамъ. Въ царствованіе же Екатерины было поднято гоненіе на одного изъ самыхъ смѣлыхъ и горячихъ противниковъ крѣпостного права — Радищева, потому что этотъ писатель показался императрицѣ бунтовщикомъ еще хуже Пугачева. Таковы были жизненныя противорѣчія екатерининскаго царствованія.

Но они касались не только положенія крестьянъ. Гуманныя идеи вѣка требовали и уничтоженія пытокъ, и смягченія наказаній, и признанія свободы мысли, вѣры и слова. Среди ужасающаго поголовнаго невѣжества, необразованности русскаго народа, въ чемъ дворяне соперничали съ подвластными имъ крѣпостными, среди отвратительнаго жестокаго рабства, которое у насъ называлось *правомъ*, всѣ эти идеи французской литературы были прекрасными цвѣтами, попавшими на каменистую безплодную почву.

Екатерина отчасти сознавала это, дѣлала попытки создать «новую породу людей», но въ десять лѣтъ не измѣнить того, что накоплялось вѣками. Гуманныя мысли, теоріи погибали среди удивительно негуманной русской дѣйствительности. Это противорѣчіе было такъ же характерно для екатерининской эпохи, какъ и противорѣчіе между внѣшнимъ кажущимся блескомъ и дѣйствительнымъ убожествомъ, которое такъ наглядно, символически отразилось въ путешествіи Екатерины по Новороссіи.

Передовыя идеи, поклонницей которыхъ была императрица, легко усвоивались всѣми верхними слоями общества.

Но и у нихъ, у этихъ передовыхъ представителей общества, гуманныя идеи не шли дальше головы, не переселялись въ сердце, не переходили въ дѣйствіе. Просвѣщенные помѣщики оставались такими же крѣпостниками, какъ были раньше и, усвоивъ человѣколюбивыя идеи, засѣкали до смерти своихъ дворовыхъ, продавали крестьянъ «оптомъ и въ розницу».

Среди немногихъ людей, для которыхъ теоріи французскихъ писателей не являлись пустымъ звукомъ, былъ и Александръ Николаевичъ Радищевъ, книга котораго—«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»—вызвала такой интересъ среди читателей и такой отпоръ со стороны Екатерины II.

II.

ДѢТСТВО И ГОДЫ УЧЕНІЯ РАДИЩЕВА.

Родители.—Ученіе въ дѣтствѣ.—У родственниковъ въ Москвѣ.—Въ пажахъ.—Заграницей.—Федоръ Ушаковъ.—Бокумъ.—Лейпцигскія исторіи.—Книги и лекціи.—Уроки лейпцигской жизни.

20 августа 1749 года въ семьѣ саратовскаго помѣщика Николая Афанасьевича Радищева родился первенецъ—нашъ будущій писатель. Николай Афанасьевичъ былъ богатъ, имѣлъ 2.000 крѣпостныхъ и для своего времени былъ достаточно образованъ. По крайней мѣрѣ зналъ иностранные языки—французскій, нѣмецкій, польскій, латинскій—и хорошо сознавалъ необходимость образованія для дѣтей. Изъ его большой семьи—четырехъ дочерей и семи сыновей—никто не остался недорослемъ. Вспыльчивый и крутой, какъ степные помѣщики, онъ держалъ свою семью въ повиновеніи, и матери Радищева, кроткой и болѣзненной, приходилось часто быть въ роли семейной примирительницы. Николай Афанасьевичъ много спорилъ съ сосѣдями изъ-за земли, судился съ горожанами уѣзднаго городка Кузнецка, но съ крестья-

нами жилъ мирно и считался добрымъ помѣщикомъ. Во время пугачевскаго бунта собственные крѣпостные укрыли его со всей семьей въ лѣсу въ пяти верстахъ отъ села.

Ѳекла Степановна, мать писателя, души не чаяла въ своемъ первомъ сынѣ, во многомъ по характеру напоминавшемъ мать.

Когда мальчикъ подросъ, главной заботой его родителей стало воспитаніе. Вопросъ этотъ по тому времени былъ очень труденъ, такъ какъ и школъ и учителей было мало, и часто помѣщики довольствовались приглашеніемъ едва знающаго грамоту дьячка да иностранца-учителя, какой попадется подъ руку. У нашего писателя были такіе же учителя, какъ и у всѣхъ тогда. Русской грамотѣ научилъ его дядька Петръ Мамонтовъ, который часто разсказывалъ мальчику сказки, особенно любимую имъ сказку про Бову-королевича. Былъ у Радищева и учитель французъ, который потомъ оказался бѣглымъ солдатомъ. Но этимъ образованіе не кончилось.

Радищевы живали подолгу и въ Москвѣ, такъ какъ тамъ находились родственники матери нашего писателя. У одного изъ нихъ, очень образованнаго московскаго дѣятеля, имѣвшаго отношеніе къ университету, Радищевъ получилъ свои первыя свѣдѣнія въ наукахъ. Вмѣстѣ съ дѣтьми этого родственника онъ воспитывался подъ надзоромъ француза-республиканца, бѣжавшаго отъ преслѣдованій своего правительства. Уроки имъ давали профессора университета, открытаго незадолго до смерти имп. Елизаветы Петровны.

Во время коронованія Екатерины II въ Москвѣ, вмѣстѣ съ императрицей, былъ весь ея дворъ, и

Радищевъ, благодаря хлопотамъ вліятельнаго родственника, былъ принятъ въ число пажей. Черезъ годъ Радищевъ былъ уже въ новой средѣ въ Петербургѣ.

Пажи выбирались изъ молодыхъ дворянъ и должны были прислуживать при дворѣ лицамъ царской фамиліи. Они были на посылкахъ у государыни, исполняли ея разныя порученія во дворцѣ, прислуживали ей за обѣдомъ и ужиномъ, провожали при выѣздахъ и стояли при ея каретѣ. Словомъ, это была царская прислуга благородной крови. Приказанія лакеямъ передавались черезъ пажей, лакеи доносили блюда только до столовой комнаты, а за столомъ обносили обѣдающихъ пажи. Съ ними и обращались, какъ съ прислугой, и за неявку къ столу, за непорядки штрафовали, какъ провинившагося лакея. За «непристойные при дворѣ поступки» дворцовымъ должностнымъ лицамъ разрѣшалось драть пажей за уши, какъ крѣпостного казачка. Въ такую среду попалъ Радищевъ четырнадцатилѣтнимъ подросткомъ. Онъ насмотрѣлся здѣсь всего. Роскошь придворной жизни, лицемѣріе вельможъ, утонченный этикетъ двора, распущенность, безнравственность, презрѣніе къ подлымъ, т. е. людямъ низкаго происхожденія,—все это окружало тогда Радищева, и ему казалось порой, что сквозь толщу каменныхъ стѣнъ не проникаетъ извнѣ во дворецъ ни одинъ лучъ правды, ни одинъ звукъ жизни: онъ видѣлъ, какая преграда стоитъ между народомъ и той, кто управляетъ этимъ народомъ.

Свѣтлой стороной жизни пажей было то, что объ образованіи ихъ очень заботились. Имъ преподавали очень много предметовъ и языковъ, а для

ловкости и изящества обучали танцамъ, фехтованію и верховой ѣздѣ. Пажей выпускали потомъ на военную службу офицерами. Такая судьба ожидала, очевидно, и Радищева, если бы Екатеринѣ II не пришла въ голову мысль послать молодыхъ людей заграницу, чтобы получить цѣлую группу образованныхъ дѣятелей—будущихъ помощниковъ въ затѣвавшихся ею реформахъ. Было намѣчено 12 человѣкъ, изъ нихъ 6 пажей, которыхъ выбрала сама Екатерина. Къ этимъ молодымъ людямъ назначили воспитателемъ Бокума и отправили ихъ изучать юридическія науки въ Лейпцигъ, славившійся тогда своимъ университетомъ.

Лейпцигъ далъ чрезвычайно много Радищеву и его товарищамъ. Здѣсь впервые будущій писатель принялся за серіозную книгу и впервые, какъ самъ выражался, научился мыслить. Въ числѣ русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ находился человѣкъ большого ума и способностей, нѣкто Федоръ Васильевичъ Ушаковъ, оказавшій особенно благотворное вліяніе на Радищева. Ушаковъ былъ значительно старше другихъ и ѣхалъ въ Лейпцигъ уже зрѣлымъ человѣкомъ, съ сложившимися убѣжденіями. Желая пополнить пробѣлы своего образованія, Ушаковъ промѣнялъ выгодную службу на школьную скамью. Его увлекала та же жажда знанія, которой горѣлъ Ломоносовъ и, конечно, онъ впослѣдствіи нашелъ бы на родинѣ примѣненіе своимъ силамъ и знаніямъ, но ранняя смерть помѣшала этому. Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія къ другу Радищевъ записалъ извѣстные ему факты его жизни, записалъ разговоры съ нимъ, бережно сохранилъ его студенческія работы и потомъ перевелъ ихъ на русскій языкъ и

напечаталъ въ Россіи. Умирая, Ушаковъ подозвалъ къ себѣ Радищева и сказалъ ему: «Прости теперь въ послѣдній разъ; помни, что я тебя любилъ, помни, что нужно въ жизни имѣть твердыя правила, чтобы быть счастливымъ, и нужно быть твердымъ въ мысляхъ, чтобы умирать безтрепетно». Эти слова запали глубоко въ душу Радищева; онъ постарался начать осуществлять ихъ еще въ Лейпцигѣ. Тѣ твердыя правила и убѣжденія, отъ которыхъ нельзя было отступать, чтобы не разрушить счастья, складывались и крѣпли у Радищева дѣйствительно въ эти годы юности на чужбинѣ, вдали отъ родины, въ ожиданіи будущаго огромнаго жизненнаго дѣла. Радищевъ вмѣстѣ съ товарищами слушаетъ лекціи профессоровъ, съ особеннымъ интересомъ занимается словесными науками у знаменитаго философа и поэта Геллерта. Радищевъ, какъ и другіе, много читаетъ, увлекаясь попреимуществу французскими философами и политическими писателями. Подъ вліяніемъ этого чтенія вырабатываются его философскіе взгляды и гражданскія убѣжденія. Вспоминая о томъ времени, Радищевъ говорилъ, что онъ, какъ всякій вообще юноша, начинающій сознательно относиться къ жизни, придерживался тогда взглядовъ, «народнымъ правленіямъ приличныхъ». Это было зернышко, изъ котораго потомъ выросло стройное міровоззрѣніе Радищева, обращенное на защиту правъ народа и противъ самодержавныхъ властителей.

Жизнь Радищева въ Лейпцигѣ сопровождалась цѣлымъ рядомъ трагикомическихъ эпизодовъ, о которыхъ разсказалъ самъ писатель въ своихъ воспоминаніяхъ о студенческихъ годахъ. Эти собы-

тія всѣ бѣли связаны съ именемъ ихъ воспитателя Бокума, чрезвѣчайно неудачно вѣбраннаго для отвѣтственной педагогической роли. Ограниченный, но невѣроятно самоувѣренный и хвастливый, Бокумъ внушалъ своимъ воспитанникамъ презрѣніе къ себѣ. Они не уважали, не слушались его и издѣвались надъ нимъ, но много терпѣли и всяческихъ притѣсненій и даже насилій со стороны Бокума. Чрезвѣчайно корѣстолюбивый, онъ пользовался всѣмъ для извлеченія вѣгодъ и доходовъ: экономилъ на дровахъ, держа воспитанниковъ своихъ въ холодѣ, экономилъ на пищѣ, давая имъ невозможный столъ. Бокумъ, наконецъ, чрезвѣчайно грубо обращался съ молодѣми людѣми, сажалъ ихъ подъ стражу, пускалъ въ ходъ кулаки и даже прибѣгалъ къ тѣлеснѣмъ наказаніямъ.

Радищевъ и товарищи его сначала сносили эти неудобства и притѣсненія, потомъ протестовали, но на Бокума это не оказѣвало дѣйствія. Бокумъ только грозилъ расправой и, придираясь то къ тому, то къ другому, запиралъ кого-нибудь одного изъ нихъ въ комнатѣ и ставилъ у дверей солдата съ оружіемъ. Въ одномъ изъ столкновеній со студентами Бокумъ сразу принялъ ничѣмъ невѣзванныя крутѣя мѣры. У военныхъ властей онъ вѣпросилъ солдатъ и всѣхъ молодѣхъ людей посадилъ подъ стражу. Ихъ содержали, какъ преступниковъ. У нихъ отобрали не только шпаги, но ножи, ножницы и даже маленькіе перочинные ножики. Ѣду приносили уже разрѣзанною на куски и не давали ни ножей, ни вилокъ. Окна бѣли заколочены снаружи; только небольшое отверстіе было оставлено для притока воздуха.

Терпя невинно такія лишенія, студенты рѣшили сообщить о своемъ положеніи русскому послу въ Дрезденѣ. Мысль о письмѣ пришла въ голову Ушакову; онъ составилъ его и, привязавъ къ нему длинную нитку, спускалъ въ нижній этажъ, а затѣмъ, пользуясь вѣтромъ, передавалъ въ сосѣднія окна, пока письмо не обошло всѣ комнаты и не было подписано всѣми. Но письмо не дошло по назначенію: оно было перехвачено на почтѣ Бокумомъ, увѣрившимъ лейпцигскія власти, что ему велѣно просматривать всѣ письма ввѣренныхъ ему студентовъ. Бокумъ добился даже суда надъ молодыми людьми. Впрочемъ, постановленіемъ суда четверо, и среди нихъ Радищевъ, были освобождены, а остальные, вмѣстѣ съ авторомъ письма, Ушаковымъ, недолгое время оставались подъ стражей и были также освобождены по распоряженію посла.

Такія столкновенія съ Бокумомъ, конечно, мѣшали спокойной работѣ студентовъ, но надо отдать имъ справедливость въ томъ, что они много получили въ лейпцигскіе годы и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Радищевъ, Кутузовъ, Козодавлевъ, вернулись въ Россію европейски образованными людьми.

Радищевъ пробылъ въ Лейпцигѣ четыре года и все это время прожилъ въ одной комнатѣ съ близкимъ своимъ другомъ Алексѣемъ Кутузовымъ, товарищемъ его еще по пажескому корпусу. Тѣсная дружба связывала ихъ. Годы юношескихъ увлеченій были пережиты вмѣстѣ. Оба они въ равной мѣрѣ поддались вліянію Ушакова. Оба одинаково переживали исторіи съ Бокумомъ, и, вспоминая о лейпцигскихъ годахъ, посвящая эти воспоминанія Кутузову, Радищевъ восклицаетъ: «Приникни, возлюбленный,

къ душѣ моей, — ты въ ней увидишь себя живого».

Лейпцигскіе годы были для нихъ хорошей гражданской школой, хорошимъ закаломъ. Руководимые Ушаковымъ они научились давать отпоръ притѣснителямъ. Они привыкли свои отношенія къ Бокуму переводить на политическій языкъ и тогда представляли себя угнетеннымъ народомъ, а Бокума самодержцемъ-угнетателемъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Радищевъ постоянно дѣлаетъ это сравненіе. Недовольство подчиненнаго, хотя бы даже справедливое недовольство, вызываетъ со стороны сильнаго негодованіе и отпоръ. Такъ было и у студентовъ съ Бокумомъ, такъ бываетъ по словамъ Радищева и «въ самодержавныхъ правленіяхъ почти повсемѣстно». Примѣръ самовластія государя заражаетъ и всякаго начальника увѣренностью въ томъ, что онъ такой же самодержецъ надъ маленькой частичкой, какъ государь надъ цѣлымъ. Поэтому за всякое противорѣчіе, за всякое недовольство маленькіе самодержцы готовы заключать гражданъ въ темницы, угнетать ихъ мысли и разумъ и, вмѣсто величія, создавать робость и рабство. Но Бокуму не удалось добиться рабскаго послушанія. Мѣры къ этому принесли обратные результаты. «Не зналъ нашъ воспитатель, что плохо всегда отвергать справедливыя требованія подчиненныхъ: даже власть государя сокрушалась иногда отъ безразсудной строгости. Такъ же, какъ и въ общественной жизни, гдѣ тяжелый режимъ начинаетъ превышать предѣлы терпѣнія и порождаетъ отчаяніе, такъ и въ нашемъ обществѣ,—сравнивалъ Радищевъ,—начались сходки, частыя совѣщанія, все, что

бываетъ при заговорахъ, обѣщанія о помощи другъ другу и рѣзкія рѣчи» [1]).

Для Радищева это было школой протеста, подготовкой къ недовольству и негодованію уже не по поводу мелочей жизни маленькаго общества студентовъ, а по поводу вопіющихъ недостатковъ, злоупотребленій, притѣсненій и несправедливостей русской общественной жизни. Какъ раньше въ Лейпцигѣ, такъ потомъ возвысилъ онъ свой голосъ протеста и въ Россіи, въ знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву», которое тоже посвятилъ своему «любезнѣйшему другу» — А. М. Кутузову, какъ бы напоминая этимъ о тѣсной связи своего протеста противъ крѣпостного права съ тѣмъ протестомъ, который они сообща поднимали противъ «самодержавнаго» Бокума.

---

[1]) Языкъ Радищева устарѣлъ и во многихъ мѣстахъ затруднителенъ для пониманія. Поэтому выдержки изъ его произведеній даются нами съ переводомъ устарѣвшихъ выраженій на языкъ современный.

III.

ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Первое впечатлѣніе отъ Россіи.—Оскорбленный идеализмъ.—А. Кутузовъ.—Въ Сенатѣ.—Женитьба.—Служба въ таможнѣ.—Смерть жены.—Литературныя занятія.—Выработка гражданскихъ убѣжденій.

Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Лейпцигѣ Радищевъ вернулся въ Россію только съ двумя товарищами—Кутузовымъ и Рубановскимъ.

Дружная студенческая семья распалась. Изъ 12 человѣкъ трое умерло еще въ Германіи, четверо уѣхало годомъ—двумя раньше, а двое осталось заграницей.

Длинный мѣсячный путь изъ Лейпцига въ Россію молодые люди совершали съ особенно нетерпѣливымъ чувствомъ. Радостныя чувства охватывали ихъ. Они вступали въ самостоятельную жизнь и могли осуществить то, къ чему ихъ звалъ Ушаковъ въ дружеской бесѣдѣ, Геллертъ, Платнеръ и другіе профессора въ своихъ лекціяхъ, Мабли, Руссо, Гельвеціи и другіе писатели въ своихъ книгахъ. Но больше этого чувства ихъ волновала мысль о родинѣ:

«Вспомни нетерпѣніе наше видѣтъ себя опять на мѣстѣ нашего рожденія, писалъ Радищевъ, обращаясь къ Кутузову:—вспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы увидѣли границу, отдѣляющую Россію отъ Курляндіи». Самъ Радищевъ признается, что ѣхалъ въ Россію въ какомъ-то «изступленіи» съ готовностью жертвовать жизнью для пользы отечества.

Четыре года были проведены заграницей подъ живительнымъ вліяніемъ французской просвѣтительной литературы, въ той атмосферѣ предреволюціоннаго броженія, въ которой жила не только Франція 60—70-хъ годовъ, но и другія государства Европы. Гуманныя теоріи, воспитавшія молодыхъ русскихъ дворянъ на чужбинѣ, возбуждали ихъ въ одномъ вполнѣ опредѣленномъ направленіи, подготовляя изъ нихъ будущихъ заступниковъ народныхъ правъ и свободы. Но гуманныя теоріи въ Германіи не составляли бьющаго въ глаза противорѣчія съ дѣйствительностью. Окружающая ихъ жизнь не давала себя почувствовать; все образованіе свое молодые люди почерпали изъ книгъ и лекцій, и единственными уроками жизни были для нихъ столкновенія съ Бокумомъ.

И вотъ эти тепличныя растенія изъ чуждой среды, заронившей въ ихъ души высокую гуманность и сильную любовь къ свободѣ, попадаютъ въ свою родную страну. Они представляли ее себѣ, вѣроятно, такъ же неопредѣленно, какъ и чужую Германію, когда впервые ѣхали туда. Четыре съ лишнимъ года въ пажахъ, въ обстановкѣ придворной замкнутости и оторванности отъ народной жизни, четыре съ лишнимъ года на чужбинѣ, всего — девять лѣтъ вдалекѣ отъ родныхъ просторовъ и родной жизни

сказались даже на томъ, что многіе изъ нихъ разучились какъ слѣдуетъ говорить по-русски. Туда, на чужбину, изъ родныхъ мѣстъ могли доходить до нихъ только случайныя вѣсти о большихъ событіяхъ. Къ нимъ доносились извѣстія о блестящихъ войнахъ, которыя вела Екатерина II; они, вѣроятно, знали о затѣвавшихся ею реформахъ и о знаменитомъ Наказѣ для составленія новыхъ законовъ; можетъ быть, проѣзжія знатныя особы и военные люди, моряки, проѣзжавшіе черезъ Лейпцигъ на театръ военныхъ дѣйствій, разсказывали имъ объ увлеченіяхъ въ Россіи французскими политическими писателями и философами, тѣми же самыми, у которыхъ они—студенты—пріобрѣтали свою большую любовь къ свободѣ, свой юношескій жаръ и гуманную настроенность.

Но объ отрицательныхъ явленіяхъ подлинной русской дѣйствительности, объ ужасахъ крѣпостного права—они едва ли могли хорошо знать даже по разсказамъ. Понятно, какъ тяжело было соприкосновеніе съ этой «негуманной» дѣйствительностью молодыхъ людей, ѣхавшихъ въ Россію съ чувствомъ самаго высокаго самоотверженія. «Признаюсь,—говоритъ Радищевъ, опять обращаясь къ Кутузову:—и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что все, случившееся послѣ возвращенія нашего, жаръ этотъ въ насъ значительно охладило».

Изъ своего лейпцигскаго далека они рисовали себѣ Россію совсѣмъ въ иныхъ краскахъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ предстала передъ ними она—подлинная.

Сейчасъ же, по пріѣздѣ, Радищевъ и Кутузовъ заняли маленькую должность въ Сенатѣ.

Юридическія науки, которымъ они обучались въ лейпцигскомъ университетѣ, нужно было пополнить знаніемъ «обрядовъ и правъ россійскихъ».

Мечты о служеніи родинѣ разсыпались въ прахъ. Юношескій пылъ не мирился съ канцелярской рутиной. Имъ нужно было живого дѣла для осуществленія высокихъ завѣтовъ своихъ учителей. Этого они не нашли въ маленькой должности протоколиста. Высшіе чиновники не обратили на нихъ никакого вниманія, не отличали ихъ отъ другихъ мелкихъ служащихъ. Ихъ силы и знанія погибали безъ примѣненія. Но зато у нихъ немного раскрылись глаза на жизнь.

Радищевъ еще въ Лейпцигѣ слышалъ разсказы Ф. Ушакова о томъ, что на службѣ награждаются вовсе не достойнѣйшіе, а тѣ, кто сумѣлъ снискать расположеніе своихъ начальниковъ. Здѣсь, въ сенатѣ, Радищевъ имѣлъ возможность убѣдиться во всемъ этомъ по личному опыту. Въ своихъ воспоминаніяхъ о лейпцигскихъ годахъ, подразумѣвая, конечно, себя, онъ писалъ: «Положимъ, что ты пребываніемъ своимъ въ училищѣ пріобрѣтешь знанія превосходнѣйшія, что достоинъ будешь управлять не только отвѣтственнымъ отдѣленіемъ, но достоинъ будешь вѣнца; неужели ты думаешь, что государь поставитъ тебя на первую ступень послѣ себя. По возвращеніи твоемъ на родину имя твое будетъ забыто... Ты будешь стоять рядомъ съ такими людьми, которые не только не будутъ равны тебѣ въ познаніяхъ, но и по душевнымъ качествамъ могутъ казаться ниже животныхъ; ты будешь гнушаться ихъ, но долженъ будешь ежедневно вращаться среди нихъ. Вокругъ себя ты увидишь нерѣдко преклоненные разумы и

души, увидишь самую мерзость. Тебя возненавидятъ, тебя будутъ гнать, чтобы очистить себѣ мѣсто. А если и начальникъ будетъ заодно съ раболѣпствующими чиновниками, берегись: гибель твоя неизбѣжна!»

Эти слова Радищева очень хорошо помогаютъ вскрыть тѣ душевныя переживанія, которыми были заполнены первые годы на родинѣ. Какъ видимъ, настроеніе Радищева близко къ разочарованію: онъ говоритъ даже о возможной гибели. Ему больно за то свѣтлое и святое чувство, которое онъ привезъ съ чужбины. «Властители, управляющіе умами и волею народовъ!—восклицалъ Радищевъ:—какъ вы бываете часто недальновидны и близоруки, сколько разъ вы упускаете случай на общую пользу, угашая огонь, подымающій душу юноши. Одинъ разъ только смиривъ его, вы нерѣдко сдѣлаете его навѣки калѣкою». Эти слова Радищевъ цѣликомъ относилъ къ себѣ и своему другу Кутузову. Первое столкновеніе съ чиновничьей Россіей внесло расколъ—«калѣчество» въ душу. Жизнь требовала одного, высокіе идеалы—другого. Непримиримость этого, сознаваніе себя одинокимъ воиномъ, необходимость принесть свои идеалы въ жертву россійской дѣйствительности, — калѣчили душу, заглушая ея высокіе порывы.

Радищевъ только два года пробылъ въ сенатѣ. Все это время онъ живетъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ. Въ мечтахъ они попрежнему витаютъ въ Лейпцигѣ. Какъ тогда ихъ объединялъ общій протестъ противъ грубаго Бокума, такъ теперь ихъ объединяетъ общее чувство отчужденности въ грубой средѣ приказныхъ. Ихъ петербургскую жизнь тѣсно связы-

ваетъ съ лейпцигскими годами—чтеніе: они и здѣсь увлекаются все тѣми же писателями, которыхъ успѣли полюбить заграницей.

Радищевъ даже переводитъ книгу одного изъ нихъ—свободолюбиваго Мабли, и въ эти годы опредѣленно становится на литературную дорогу. Какъ хорошо владѣющій иностранными языками, онъ переводитъ съ французскаго и нѣмецкаго различныя книги. Онъ пишетъ стихи, хотя и самъ не придаетъ имъ значенія и немного иронически отзывается о нихъ.

Но всѣ эти занятія на время были вдругъ заброшены, потому что въ личной жизни Радищева случилось событіе: онъ женился. Женитьба отразилась и на дружбѣ его съ Кутузовымъ. Послѣ 14-лѣтней совмѣстной жизни они разстались, но дружественныя связи ихъ не порвались: между ними завязалась переписка. Радищевъ посвятилъ своему другу два наиболѣе замѣчательныхъ произведенія, а Кутузовъ отплатилъ ему теплымъ участіемъ и искренней тревогой о судьбѣ Радищева въ 1790 году, въ періодъ преслѣдованій писателя.

Заброшена была и служба: незадолго до свадьбы Радищевъ вышелъ въ отставку.

Свадьбу сыграли въ Москвѣ въ домѣ родителей жениха.

Женившись на Аннѣ Васильевнѣ Рубановской, племянницѣ своего лейпцигскаго товарища, Радищевъ пріобрѣтаетъ нѣкоторую связь съ высшимъ кругомъ общества, такъ какъ отецъ его жены былъ замѣтнымъ дворцовымъ чиновникомъ. Свѣтская жизнь, которую ведетъ теперь Радищевъ, конечно, не долго удовлетворяетъ его.

Черезъ годъ послѣ женитьбы мы видимъ Радищева уже опять на службѣ, въ коллегіи, вѣдавшей торговыя дѣла. Онъ опять бросается къ книгамъ, энергично изучаетъ все, относящееся къ торговлѣ: законы, исторію, описанія путешествій. Для этой цѣли онъ даже спеціально изучаетъ англійскій языкъ.

Огромныя знанія, которыя Радищевъ накопилъ за это время, были оцѣнены, и очень скоро его перевели въ таможню помощникомъ къ старому и больному начальнику. Въ сущности, управленіе дѣлами и всѣ отвѣтственныя работы по таможнѣ вошли въ кругъ обязанностей Радищева.

Это дѣло было вполнѣ по душѣ писателю.

Вопросы торговли и экономическаго развитія страны всегда интересовали Радищева, но то, чѣмъ онъ больше всего дорожилъ въ своей новой службѣ, было непосредственное столкновеніе съ жизнью. Жизнь, открывшаяся теперь передъ нимъ, была, конечно, столь же непривлекательна, какъ и та, съ которой онъ столкнулся въ первые годы по возвращеніи въ Россію. Но будучи тогда маленькимъ канцелярскимъ служащимъ, онъ не могъ вмѣшаться въ окружающую жизнь и дѣлать такъ, какъ хотѣлъ и какъ должно было. Теперь—на отвѣтственныхъ мѣстахъ—онъ зналъ, что ему надо было дѣлать. Очень скоро среди другихъ чиновниковъ и людей, имѣвшихъ отношеніе къ торговлѣ и таможнѣ, Радищевъ заслужилъ репутацію необычайно честнаго человѣка и совершенно неподкупнаго и независимаго чиновника.

Въ справедливомъ дѣлѣ Радищевъ не боялся идти противъ всѣхъ и доказывать его справедливость.

Объ одномъ такомъ дѣлѣ сохранился разсказъ. Еще въ торговой коллегіи Радищеву пришлось выступить защитникомъ браковщиковъ пеньки, обвиненныхъ въ какихъ то упущеніяхъ по должности.

Президентъ и всѣ члены коллегіи считали ихъ виноватыми. Одинъ только Радищевъ, хорошо ознакомившись съ дѣломъ, увидѣлъ полную ихъ невиновность. Обычно мнѣніе президента было рѣшающимъ, и никто не смѣлъ съ нимъ спорить. Радищеву указывали на то, что будь онъ даже правъ, все же ему нужно считаться съ мнѣніемъ знатнаго начальника. Президенту гр. Воронцову не рѣшались доложить о мнѣніи Радищева, но онъ настаивалъ и въ случаѣ неудачи рѣшилъ уже оставить службу, уѣхать въ деревню къ отцу и весь вѣкъ свой провесть въ неизвѣстности, но не отступить отъ своего справедливаго мнѣнія.

Гр. Воронцовъ былъ вполнѣ убѣжденъ доводами Радищева, и обвиняемые были оправданы.

Съ этого времени гр. Воронцовъ обратилъ вниманіе на умнаго и независимаго чиновника и очень сблизился съ нимъ.

По дѣламъ службы Радищевъ часто бывалъ у гр. Воронцова, а при его отъѣздѣ часто обмѣнивался съ нимъ дѣловыми письмами.

Эти близкія дѣловыя свиданія скоро перешли въ дружественныя отношенія. Радищевъ запросто бывалъ у Воронцова въ его тѣсномъ кружкѣ близкихъ знакомыхъ, посѣщалъ сестру его кн. Дашкову, такъ что, когда возникло дѣло Радищева, то въ придворныхъ кругахъ много злословили о томъ, что Воронцовъ и Дашкова замѣшаны въ изданіи «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».

Служба Радищева проходила въ атмосферѣ борьбы съ обманами и хитростями купцовъ, которые старались безпошлинно провозить товары. Обычнымъ средствомъ для этого былъ подкупъ чиновниковъ. И чиновники съ готовностью шли на это, такъ что Радищеву приходилось вести борьбу и со своими подчиненными. Въ этой обстановкѣ безчестности и обмана, Радищевъ сохранилъ свои безупречныя нравственныя качества.

Такъ проходили эти первые годы петербургской жизни. Служба, семья и литература заполняли его жизнь.

Смерть жены опять выбила его изъ колеи. Она умерла вскорѣ послѣ родовъ четвертаго ребенка. Для Радищева это былъ тяжелый ударъ; онъ долго и горько оплакивалъ Анну Васильевну. Онъ хотѣлъ поставить на ея могилѣ въ Александро-Невской лаврѣ памятникъ съ трогательной надписью, сочиненной имъ въ стихахъ, но ему не позволили этого сдѣлать, потому что въ первой же строчкѣ оказалась вольная мысль по отношенію къ религіи. Въ словахъ: «о если то не ложно, что мы по смерти будемъ жить», усмотрѣли недостаточную увѣренность въ безсмертіи души. Радищевъ поставилъ памятникъ въ большомъ саду своего дома, и этотъ памятникъ каждый день напоминалъ ему о горестной утратѣ.

Заботу о дѣтяхъ взяла на себя старшая свояченица Радищева, родная сестра его жены.

Юная, только что съ отличіемъ окончившая Смольный институтъ въ первомъ его выпускѣ, Елизавета Васильевна Рубановская отдалась воспитанію дѣтей и такъ привязалась къ семейству Радищева, что не покинула его и въ ссылкѣ.

Когда улеглось горькое чувство потери, Радищевъ вернулся къ своимъ занятіямъ.

Работы надъ составленіемъ таможеннаго тарифа отнимали у него много времени, сверхъ службы.

Все свободное время, кромѣ того, онъ отдавалъ чтенію и литературнымъ работамъ.

Нѣсколько произведеній были результатомъ трудовъ Радищева за эти годы.

Наиболѣе интересно изъ нихъ «Житіе Федора Васильевича Ушакова», лейпцигскаго товарища писателя. По этимъ первымъ произведеніямъ мы легко можемъ прослѣдить, какъ развивались политическіе взгляды Радищева, наиболѣе полно высказанные въ «Путешествіи».

Еще пажомъ, подъ вліяніемъ картинъ придворной жизни, онъ представлялъ себѣ отношенія царской власти къ подданнымъ искаженными тѣмъ средостѣніемъ, которое образуетъ вся атмосфера двора: ложь, лицемѣріе, эгоизмъ вельможъ. Позже въ Лейпцигѣ, у французскихъ политическихъ писателей, онъ узналъ теорію, которая объясняла происхожденіе государства изъ безмолвнаго договора всѣхъ гражданъ между собою удѣлить часть своихъ правъ одному лицу, чтобы оно управляло страною для общей пользы. Видя, что царская власть часто противорѣчитъ общей пользѣ и велѣнія царскія искажаются эгоизмомъ придворныхъ, Радищевъ объявилъ самодержавіе правленіемъ самымъ противорѣчащимъ человѣческой природѣ. Съ этой точки зрѣнія Радищевъ написалъ самыя рѣзкія главы своего «Путешествія».

Въ эти годы петербургской жизни въ немъ зрѣетъ талантъ сатирика и публициста, съ такой силой сказавшійся въ знаменитой книгѣ его.

Все, надъ чѣмъ онъ работаетъ, теперь является подготовкой «Путешествія», имѣетъ тѣснѣйшую связь съ нимъ. Недаромъ Екатерина II по поводу маленькаго произведенія Радищева, которое услужливые люди преподнесли ей, когда допрашивали писателя на судѣ, такъ отозвалась о немъ: «сіе также сочиненіе господина Радищева, и видно изъ подчерченныхъ мѣстъ, что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція опредѣлила его первымъ подвизателемъ въ Россіи».

Это было сказано о маленькой книжкѣ всего въ 14 страницъ, подъ заглавіемъ: «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ».

Но Екатерина не ошиблась, назвавъ эту книжечку подготовкою «ко взятому пути».

Говоря о Петрѣ Великомъ, по поводу воздвигнутаго Екатериной памятника, онъ явно намекалъ на дворъ Екатерины и повторялъ здѣсь то, что твердилъ всегда и всюду объ искаженіи царской власти.

«О Петръ!—восклицалъ онъ:—когда громкія дѣла твои возбуждаютъ удивленіе и почтеніе къ тебѣ, изъ тысячи удивлявшихся величіемъ твоего духа и разума былъ ли хоть одинъ, кто отъ чистоты сердца тебя возносилъ? Половина была льстецовъ, которые въ душѣ тебя ненавидѣли и дѣла твои порицали; другіе, объятые ужасомъ безпредѣльно самодержавной власти, раболѣпно передъ блескомъ твоей власти опускали зѣницы своихъ очей». Радищевъ утверждаетъ, что Петръ могъ быть еще славнѣе, если бы укрѣплялъ свободу, но тутъ же добавляетъ, что нѣтъ и не будетъ до скончанія міра такого примѣра, чтобы царь, сидя на престолѣ, упустилъ добровольно что-либо изъ своей власти.

IV.

«ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ». ГРАЖДАНСКІЯ УБѢЖДЕНІЯ.

Мечты объ избавленіи человѣчества отъ страданій. — Мысли о самовластіи.—Сонъ.—Раболѣпіе придворныхъ.—Истина, снимающая бѣльма.—Радищевъ и Екатерина II.—Ода Вольность.—Намѣстникъ—любитель устрицъ.—Эгоизмъ вельможъ.

Когда Радищева на слѣдствіи спросили, съ какимъ намѣреніемъ онъ написалъ свою дерзновенную книгу, онъ отвѣтилъ, что главнымъ побужденіемъ было «прославить писателемъ и заслужить у публики лучшую репутацію, чѣмъ была у него до этого».

Честолюбіе, слава, несомнѣнно, для Радищева были двигательными причинами вообще.

Онъ не разъ въ своихъ произведеніяхъ говорилъ объ извѣстности, которая его ожидаетъ. Онъ мечталъ прославиться своими дѣлами и мнѣніями, вѣроятно, еще съ лейпцигской школьной скамьи. Но написать «Путешествіе» все-таки побудила его не та причина, о которой онъ говорилъ своимъ мучителямъ на допросахъ.

Въ посвященіи къ знаменитой книгѣ Радищевъ обращается къ Кутузову—своему ближайшему другу и сообщаетъ ему настоящую причину, заставившую его написать, напечатать книгу и пострадать за нее.

«Я взглянулъ,—пишетъ Радищевъ,—вокругъ себя—сердце мое сжалось отъ человѣческихъ страданій. Я заглянулъ глубоко себѣ въ душу и увидѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ него самого и часто только отъ того, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предметы.

«Природа не виновата въ этихъ страданіяхъ человѣчества, въ нихъ виноватъ самъ человѣкъ, исказившій и незнающій природы. Надо снять завѣсу съ его глазъ, разбудить въ немъ его природныя чувства, и онъ будетъ блаженъ.

«Я ощутилъ въ себѣ довольно силъ,—продолжаетъ Радищевъ,—чтобы самому противиться заблужденіямъ, и почувствовалъ, что всякій можетъ стать соучастникомъ въ блаженствѣ другихъ людей. Вотъ мысль, побудившая меня написать то, что ты будешь читать».

Эта мысль помочь человѣчеству въ избавленіи отъ тяжкихъ страданій, которыми усѣянъ путь человѣческій на землѣ—была руководящей мыслью Радищева во всей его жизни. Отъ лейпцигскихъ лѣтъ до своей преждевременной смерти онъ шелъ къ этой цѣли, какъ къ идеалу. Ему грезились вдали счастливые и свѣтлые дни человѣчества, избавившагося отъ своихъ страданій. Эти мысли, мечты, были тогда, конечно, не только въ головѣ Радищева. Можетъ быть, такъ же думала и Екатерина. Такъ мечтали и грезили французскіе писатели, по книгамъ которыхъ учился Радищевъ своимъ гуманнымъ

идеямъ. Къ этому звали нѣкоторые профессора на своихъ лекціяхъ, объ этомъ говорилъ умирая Федоръ Ушаковъ, этимъ горѣло сердце и Алексѣя Кутузова—но одинъ только Радищевъ сумѣлъ сдѣлать эту идею дѣломъ всей своей жизни и, какъ будто въ одномъ порывѣ, въ одномъ стремленіи, уложить всю свою бурную и многострадальческую жизнь.

Однимъ изъ самыхъ большихъ золъ окружающей жизни Радищевъ считалъ самовластіе. Несомнѣнно, къ нему онъ отнесъ эпиграфъ всей своей книги, взятый изъ Тредьяковскаго: «Чудище обло [1]), озорно, огромно, стозѣвно и лаяй».

Самовластіе для Радищева было чудовищнымъ искаженіемъ природы.

Чтобы показать это въ яркой картинѣ, Радищевъ вставилъ въ свою книгу изображеніе сна, который онъ якобы видѣлъ на пути изъ Петербурга въ Москву. Въ немъ онъ изобразилъ раболѣпіе, окружающее престолъ, и ослѣпленіе царя, мѣшающее ему видѣть все въ истинномъ свѣтѣ.

«Мнѣ снилось, — разсказываетъ Радищевъ, — что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набабъ, Султанъ или еще кто-то изъ подобныхъ людей, сидящихъ во власти на престолѣ. Тронъ мой былъ изъ чистаго золота и блисталъ лучезарно отъ дорогихъ разноцвѣтныхъ каменій, искусно вдѣланныхъ въ него. Ничто не могло сравниться съ блескомъ моихъ одеждъ. Голова моя была украшена лавровымъ вѣнцомъ. Вокругъ меня лежали знаки, изображающіе мою власть. Здѣсь мечъ лежалъ на колоннѣ, изваянной изъ серебра, на которой были изображены

---

[1]) Круглое, полное.

морскія и сухопутныя сраженія, взятіе городовъ. Тутъ виденъ былъ скипетръ мой, лежащій на снопахъ, отягченныхъ изобильными колосьями, сдѣланными изъ чистаго золота и совершенно похожими на настоящіе. Здѣсь же стояли вѣсы, подвѣшенные на твердомъ коромыслѣ; на одной чашѣ лежала книга, съ надписью Законъ Милосердія, на другой—тоже книга, съ надписью—Законъ Совѣсти.

Но не только эти предметы говорили о моей власти и моемъ величіи. Съ робкимъ подобострастіемъ, ловя мои взгляды, стояли вокругъ моего престола государственные чиновники. Въ нѣкоторомъ отдаленіи толпилось безчисленное множество народа, разнообразныя одежды котораго, черты лица, осанка, видъ говорили о различіи ихъ по племени. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ подвластны мнѣ. Но всюду царило глубочайшее безмолвіе. Казалось, всѣ ожидали, что случится огромной важности событіе, отъ котораго зависитъ спокойствіе и блаженство всего общества.

Я же, чувствуя глубоко вкоренившуюся въ моей душѣ скуку, происходящую отъ пресыщающаго однообразія, отдалъ долгъ природѣ и, разинувъ ротъ до ушей, зѣвнулъ во всю мочь. Всѣ поняли мои чувства. Внезапно смятеніе налетѣло мрачной тучей на царившее веселье, улыбка улетѣла съ нѣжныхъ устъ, блескъ радости съ довольнаго лица. Искаженные испугомъ взгляды и озираніе по сторонамъ показывали какъ бы нашествіе ужаса и предстоящія бѣды.

Тронутый до глубины души такимъ печальнымъ зрѣлищемъ, я почувствовалъ, какъ мышцы лица

моего стянулись къ ушамъ и, растягивая губы, изобразили въ чертахъ моего лица что-то, похожее на улыбку; вслѣдъ за этимъ я весьма звонко чихнулъ. Точно въ мрачную атмосферу густого тумана проникъ полуденный лучъ солнца. У всѣхъ на лицахъ исчезла печаль, радость быстро проникла въ сердца, и нигдѣ не осталось даже легкой тѣни неудовольствія. Всѣ восклицали:

— Да здравствуетъ нашъ великій государь, да здравствуетъ навѣки!

По всему собранію проносился радостный шопотъ. Одинъ вполголоса говорилъ: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, расширилъ предѣлы отечества, покорилъ своей державѣ тысячи разныхъ народовъ. Другой восклицалъ: онъ обогатилъ государство, оживилъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, онъ любитъ науки и искусства, поощряетъ земледѣліе и ремесла. Иной съ важнымъ видомъ произносилъ: онъ увеличилъ государственные доходы, облегчилъ народъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитаніе.

Юноши, въ восторгѣ простирая руки къ небу, говорили: онъ мудрый законодатель, праведный судья, ревностный исполнитель, онъ больше всѣхъ царей великъ, онъ даруетъ всѣмъ свободу.

Такія рѣчи громко отдавались въ душѣ моей. Похвалы эти мнѣ казались истинными, потому что сопровождались наружными чертами искренности. Душа моя возвышалась надъ обыденностью и чувствовала свое соприкосновеніе съ божественной премудростью. Но ни съ чѣмъ нельзя было сравнить удовольствія и самоудовлетворенія при раздачѣ моихъ приказаній. Первому военачальнику

повелѣвалъ я идти съ многочисленнымъ войскомъ для завоеванія земли, отдѣленной отъ меня огромнымъ пространствомъ.

— Государь, отвѣчалъ онъ мнѣ,—слава одного твоего имени побѣдитъ народы!

Начальнику флота я приказалъ, чтобы мои корабли были разсѣяны по всѣмъ морямъ, чтобы ихъ увидѣли невѣдомые народы, чтобы флагъ мой былъ извѣстенъ на сѣверѣ, востокѣ, югѣ и западѣ.

— Исполню, Государь!

— Возвѣсти до самыхъ крайнихъ предѣловъ моей области,—сказалъ я хранителю законовъ,—что сегодня день моего рожденія. Пусть онъ ознаменуется навѣки повсемѣстнымъ прощеніемъ. Пусть откроются темницы, пусть выйдутъ преступники и вернутся домой, какъ сбившіеся съ истиннаго пути.

При всякомъ моемъ словѣ всѣ, стоявшіе здѣсь, радостно восклицали и хлопали въ ладоши. Только одна женщина, опершись о колонну, скорбно вздыхала и смотрѣла съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Черты ея лица были суровы; платье — простое, голова была покрыта шляпой, а всѣ прочіе стояли съ обнаженной головой.

— Кто это?—спросилъ я стоявшаго вблизи.

— Это странница, неизвѣстная намъ; называетъ себя Прямовзорой и глазнымъ врачомъ. Всегда нахмурена, всѣхъ презираетъ и поноситъ, даже не щадитъ и твоей священной главы.

— Какъ же злодѣйка эта терпима въ моей области? Но объ этомъ завтра. Сегодня — день милости и веселья.

Вдругъ женщина со своего мѣста сказала:

— Подойди ко мнѣ. Я врачъ, присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, чтобы очистить твое зрѣніе. Какое у тебя бѣльмо на глазахъ!—воскликала она.

Какая-то невидимая сила заставила меня подойти къ ней, хотя всѣ окружающіе меня препятствовали даже силой мнѣ въ этомъ.

— На обоихъ глазахъ бѣльма,—говорила странница: — а ты такъ рѣшительно судилъ обо всемъ.

Она коснулась моихъ глазъ и сняла съ нихъ толстую пленку.

— Ты видишь, что ты былъ слѣпъ и слѣпъ совершенно. Я — истина. Всевышній, подвигнутый на жалость стономъ подвластнаго тебѣ народа, послалъ меня съ небесныхъ круговъ отогнать темноту, препятствующую остротѣ твоего взора. Я исполнила это. Сегодня ты все увидишь въ своемъ естественномъ видѣ. Ты проникнешь во внутренность сердецъ. Ты узнаешь своихъ вѣрныхъ подданныхъ, которые стоятъ вдалекѣ отъ тебя и любятъ не тебя, а свое отечество. Ихъ призови себѣ въ друзья. Прогони эту гордую черноь, стоящую передъ тобою и прикрывшую низость души своей золотыми одеждами. Они твои злодѣи, затмевающіе очи твои и закрывающіе мнѣ входъ въ твои чертоги. Одинъ разъ только являюсь я царямъ во все время ихъ царствованія, но я никогда не покидаю жилища простыхъ смертныхъ. Пребываніе мое—не въ царскихъ чертогахъ. Если когда-нибудь проникну сквозь сплоченную толпу, окружающую тебя, то, поднявъ бичи, всѣ стараются изгнать меня изъ твоего обиталища. Но берегись, чтобъ я не удалилась. Тогда слова лести опять покроютъ глаза твои бѣльмами. Тогда ослѣпленіе твое будетъ еще боль-

шимъ. Все будетъ казаться тебѣ веселымъ. Уши твои не будутъ слышать стоновъ, а только сладкое пѣніе. Берегись такого состоянія. Туча поднимется надъ твоей головой и стрѣлы карающаго грома будутъ готовы поразить тебя. Но я поживу въ предѣлахъ твоихъ владѣній. Если, уставши отъ лести, ты захочешь видѣть меня, позови и ты найдешь меня тамъ, гдѣ слышенъ будетъ мой твердый голосъ. Не бойся никогда моего голоса. Если изъ народной среды найдется человѣкъ, порицающій дѣла твои, знай, что это твой искренній другъ. Берегись и не смѣй казнить его, какъ бунтовщика. Призови и угости его, какъ странника... Но посмотри теперь на себя и на окружающихъ, посмотри на исполненіе твоихъ велѣній».

Подъ вліяніемъ этихъ словъ, я испытывалъ какую-то радость; я не чувствовалъ уже ни прежняго тщеславія, ни высокомѣрія. Я ощущалъ спокойствіе.

Одежды мои, такія блестящія, казалось были запачканы кровью, орошены слезами. Душа стоявшихъ вокругъ меня казалась мнѣ черною; они метали другъ на друга искаженные взоры, которые выражали жадность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ, посланный на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ не было повиновенія, съ воинами обращались хуже, чѣмъ съ животными. О нихъ не заботились, ихъ жизнь не цѣнили; положенныя имъ деньги употреблены были на ненужное имъ украшеніе. Награды доставались въ удѣлъ не храбрости, а подлому раболѣпію.

Корабли мои, предназначенные къ отплытію въ далекія моря, я видѣлъ вблизи пристаней. Начальникъ кораблей нѣжился на мягкой постели, а на

изготовленномъ по его приказанію чертежѣ въ мечтахъ совершоннаго плаванія виднѣлись во всѣхъ частяхъ міра новые острова съ изобильными плодами. Обширныя земли и многочисленные народы рождалися изъ кисти этихъ новыхъ путешественниковъ.

Подвигъ, которымъ я гордился больше всего — прощеніе преступниковъ — казался мнѣ теперь совсѣмъ незамѣтнымъ. Велѣніе мое было или совершенно нарушено или искажено превратнымъ толкованіемъ и медленнымъ исполненіемъ. Милосердіемъ моимъ торговали, и только тому, кто давалъ больше, перепадало моей жалости и моего великодушія...

Въ ослѣпленіи моемъ я думалъ, что лишнія общественныя деньги употребляются для помощи нищимъ, для одѣянія нагого, для прокормленія голоднаго... Но какъ прискорбно мнѣ было видѣть, что милости мои изливались на богатыхъ, льстецовъ и разныхъ преступниковъ, добившихся моего расположенія. Теперь я ясно видѣлъ, что знаки почестей, раздаваемые мною, всегда доставались въ удѣлъ недостойнымъ.

Видя во всемъ такое извращеніе моихъ велѣній, происшедшее отъ моей слабости и коварства моихъ министровъ, я взревѣлъ въ гнѣвной ярости:

— Недостойные преступники, злодѣи! Отвѣчайте, зачѣмъ во зло употребили довѣріе вашего Государя? Предстаньте теперь передъ вашимъ судьей. Чѣмъ вы можете оправдать ваши дѣла?

Въ волненіи я проснулся».

Этотъ сонъ, якобы видѣнный на пути въ Москву, былъ прямымъ обличеніемъ Екатерины II. Стоитъ только вспомнить исторію, устроенной Потемки-

нымъ, тріумфальной поѣздки въ Новороссію и сравнитъ ее съ разсказомъ о начальникѣ флота, которому поручено было открытіе и устройство новыхъ острововъ, какъ мы поймемъ, на что намекалъ въ своемъ снѣ Радищевъ. Видно, что онъ ясно понималъ страшное противорѣчіе между тѣмъ, что было въ дѣйствительности, и тѣмъ, что казалось существующимъ. И въ своей книгѣ онъ бралъ на себя роль странницы Прямовзоры — истины, которая сняла бѣльма съ глазъ царя. Онъ хотѣлъ открыть глаза и Екатеринѣ на окружавшихъ ее людей и на окружавшую ее дѣйствительность. Въ самомъ концѣ главы онъ обращался прямо къ Екатеринѣ: «Властитель міра, если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкой, или нахмуришь чело, знай, что видѣнная мною странница (т. е. истина) отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается».

И Екатерина почувствовала это личное къ ней обращеніе. Читая книгу Радищева во время слѣдствія надъ нимъ и записывая свои примѣчанія на «Путешествіе», она остановилась и на этихъ страницахъ книги. Въ замѣчаніяхъ ея къ «Сну» чувствуется личное раздраженіе и желаніе оправдаться. Она называетъ это мѣсто «Путешествія» возмутительнымъ, покрытымъ бранью, ругательствами и злостнымъ толкованіемъ. Она догадывается, что здѣсь говорится объ ея вельможахъ, упоминаетъ даже имя адмирала Чичагова, не рѣшаясь подумать о Потемкинѣ. Императрица защищаетъ и самое себя: «не знаю, какова нѣга власти у другихъ владѣтелей; у меня она не велика»; «злость въ зломъ царѣ, во мнѣ ея нѣтъ». Екатерина, наконецъ, дѣ-

лаетъ попытку опорочить обличеніе Радищева и приписать ему низменные личные мотивы. «Объ закладъ биться можно, что подвигъ сочинителя, по которому онъ написалъ (книгу) есть тотъ, для чего не имѣетъ входа въ чертоги. Ежели бы ближе царя былъ, онъ бы инако запѣлъ».

Еще рѣзче прозвучала въ «Путешествіи» ода «Вольность», вставленная въ одну изъ главъ. Въ ней въ поэтической формѣ Радищевъ изложилъ свои излюбленныя мысли о царѣ и народѣ, о вольности и рабствѣ. Источникъ человѣческаго рабства Радищевъ видитъ въ томъ суевѣріи, которое объявляетъ царскую власть происходящей отъ Бога. Суевѣріе и власть угнетаютъ общество: одно пытается сковать разумъ людей, другая стремится уничтожить ихъ волю.

Радищевъ рисуетъ ту же картину, что и въ «Снѣ»:

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, царь
На грозномъ тронѣ властно сѣвши
Въ народѣ зритъ лишь подлу тварь.
Животъ [1]) и смерть въ рукѣ имѣя:
«По волѣ,—рекъ,—щажу злодѣя;
«Я властію могу дарить.
«Коль я смѣюсь, то все смѣется;
«Нахмурюсь грозно, все смятется;
«Живетъ тогда, велю коль жить».

Еще значительно раньше, только что вернувшись изъ Лейпцига, Радищевъ писалъ, что «неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и

[1]) Жизнь.

болѣе надъ нимъ право, какое ему (государю) даетъ законъ надъ преступниками».

Теперь же, видя, какъ эта мысль осуществлялась во Франціи, онъ говоритъ о революціонномъ мщеніи народа:

Но мститель, трепещи, грядетъ.
Онъ молвитъ вольность прорекая—
И се, молва отъ край до края,
Глася свободу потечетъ.

Далѣе Радищевъ говорилъ о кровавомъ мщеніи и о плахѣ. И, вспоминая изъ англійской исторіи о борьбѣ народныхъ представителей съ королемъ Карломъ I, Радищевъ указываетъ на фигуру Кромвеля, запятнавшаго себя борьбою съ парламентомъ и попираніемъ свободы, но научившимъ въ родъ и роды,

Какъ могутъ мстить себя народы:
Ты Карла на судѣ казнилъ.

Когда Екатерина II дочитала до этой оды, она не преминула отмѣтить въ своихъ замѣчаніяхъ, что ода совершенно явно и ясно бунтовская, гдѣ царямъ грозится плахою. Кромвелевъ примѣръ приведенъ съ похвалою.

Радищевъ не ограничился «Сномъ» и одою «Вольность», но во многихъ мѣстахъ своей книги вставилъ и другія обличенія самодержавныхъ властителей, нарисовалъ другія картины и сцены, въ которыхъ изобразилъ вельможъ екатерининскаго двора и вообще исполнителей ея воли и приказаній.

Читатели - современники легко угадывали въ этихъ жизненныхъ картинкахъ ту или иную живую фигуру всесильнаго человѣка.

Вотъ, напримѣръ, чрезвычайно живая сценка, въ которой и несовременникъ легко узнаетъ всемогущаго кн. Потемкина, намѣстника Екатерины въ Новороссіи, ненасытнаго и пресыщеннаго «баловня счастья», который былъ «непостоянен и прихотливъ, какъ само счастье».

Знаменитый поэтъ Державинъ говорилъ про Потемкина, что тотъ былъ «только тогда и доволенъ, когда чего дожидался; а какъ скоро получалъ, то опять предавался скукѣ. Онъ посылалъ по имперіи нарочныхъ за арбузами, за огурцами и т. п.».

«Жилъ-былъ... — и подлинно на сказку похоже — передаетъ Радищевъ подслушанный на одной станціи разсказъ — жилъ-былъ гдѣ-то Государевъ намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устрицы и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ мало было, то онъ отъ охоты своей воздерживался, ѣдалъ по десятку и то, когда бывалъ въ Петербургѣ. А какъ попалъ въ Намѣстники, и когда много стало у него денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распоряженіи, тогда сталъ онъ къ устрицамъ большой охотникъ. Спитъ и видитъ, чтобы устрицы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устрицы ѣсть будетъ. Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго ему надо въ Петербургъ отправить съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устрицами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много.

Гонецъ, снабженный подорожною, прогонами, совсѣмъ готовъ и въ дорожной одеждѣ явился передъ намѣстникомъ.

— Поспѣшай, мой другъ,—говоритъ ему увѣшанный орденами,—поспѣшай, возьми этотъ пакетъ, отдай его въ Большой Морской улицѣ...

— Кому прикажете?

— Прочти адресъ.

— Его... его...

— Не такъ читаешь!

— Государю моему гос...

— Врешь! Господину Корзинкину, почтенному лавочнику, въ С.-Петербургѣ, въ Большой Морской.

— Знаю, ваше высокопревосходительство.

— Ступай же, мой другъ, и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нимало не медли; я тебѣ скажу спасибо ни одно.

И ну-ну-ну, ну-ну-ну, по всѣмъ по тремъ, вплоть, до Питера,—къ Корзинкину прямо на дворъ.

— Добро пожаловать. Куды какой его высокопревосходительство затѣйникъ, изъ-за тысячи верстъ шлетъ за всякой дрянью. Только баринъ добрый. Радъ ему служить. Вотъ—устрицы, теперь лишь съ биржи. Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самимъ пришли дороги. Да мы съ его милостью сочтемся.

Бочку взвалили въ кибитку. Повернувъ оглобли, курьеръ уже опять скачетъ; успѣлъ лишь зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи.

Динь-динь... Едва у городскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика, караульный офицеръ уже бѣжитъ къ намѣстнику (то ли дѣло, какъ гдѣ все въ порядкѣ) и рапортуетъ ему, что вдали видна

кибитка и слышенъ звонъ колокольчика. Не успѣлъ выговоритъ, какъ шастъ курьеръ въ двери.

— Привезъ, ваше высокопревосходительство!

— Очень кстати — (оборотясь къ стоящимъ передъ нимъ):—Право, человѣкъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ, по два раза въ годъ, ѣздитъ въ Петербургъ; а въ Москву сколько разъ, упомнитъ не могу. Секретарь! Пиши представленіе: за многочисленные его въ посылкахъ труды и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ...

Въ расходной книгѣ у казначея записано: «По предложенію Его Высокопревосходительства дано курьеру N. N, отправленному въ С.-Петербургъ съ наинужнѣйшими донесеніями, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ экстроординарной суммы»...

Книга казначейская пошла на ревизію, но устрицами не пахнетъ.

«По представленію г. Генерала и проч. приказали: быть сержанту N. N. прапорщикомъ».

Такъ, нимало не таясь, Радищевъ осмѣивалъ чрезвычайно сильнаго тогда вельможу.

Въ другихъ мѣстахъ книги онъ изобразилъ еще поѣздку такого же вельможи по большой дорогѣ, насилія, чинимыя имъ станціонному смотрителю (глава Завидова), изобразилъ, наконецъ, нерадивость въ исполненіи своихъ обязанностей одного начальника, который подъ предлогомъ отдыха отказался подать помощь утопающимъ.

Этотъ личный эгоизмъ, отмѣчаемый Радищевымъ у всякаго рода начальниковъ и сильныхъ людей, шелъ рука объ руку съ общимъ характеромъ

русской негуманной дѣйствительности. Преслѣдованіе личныхъ цѣлей въ ущербъ благу другихъ людей—какъ этотъ принципъ былъ далекъ!—шелъ вразрѣзъ съ принципами и идеями самого автора, написавшаго всю книгу съ одной цѣлью—облегчить страданія человѣчеству, хотя бы путемъ своихъ личныхъ страданій.

V.

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО И ПРОТЕСТЪ РАДИЩЕВА.

Взглядъ на крѣпостныхъ.—Протесты Радищева противъ жестокостей помѣщиковъ.—Крестьянинъ, пашущій въ воскресенье.—Внутренность крестьянской избы.—Продажа крестьянъ въ рекруты.—Продажа дворовыхъ съ аукціона.—Проектъ освобожденія крестьянъ.

Въ «Путешествіи» Радищевъ коснулся многихъ вопросовъ. Онъ не обошелъ остраго тогда вопроса о судахъ и въ двухъ-трехъ сценахъ, разсказахъ, вставленныхъ въ «Путешествіе» показалъ весь ужасъ, всю несправедливость дореформеннаго варварскаго судопроизводства. Онъ коснулся и вопроса о цензурѣ, вставивъ въ свое «Путешествіе» цѣлое изслѣдованіе о происхожденіи и развитіи этого учрежденія.

Но больше всего вниманія Радищевъ удѣлилъ самому острому, самому больному вопросу—о крѣпостномъ правѣ.

Нѣсколько главъ «Путешествія» цѣликомъ посвящены ему, во многихъ мѣстахъ мимоходомъ затрогивается положеніе крестьянъ, находящихся во

власти помѣщика. Для Радищева, какъ и для Екатерины II, въ первые годы ея царствованія, крестьянскій вопросъ являлъ собою ужасающее противорѣчіе между гуманной западно-европейской теоріей и русской дѣйствительностью.

Для Радищева, какъ и для Екатерины, было ясно, что дѣлать невольниками людей противно справедливости, ибо всѣ они рождаются свободными.

«Человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому,—писалъ Радищевъ:—Всѣ одинаковые имѣемъ члены тѣла, всѣ имѣемъ разумъ и волю».

Въ другомъ мѣстѣ «Путешествія» онъ протестуетъ противъ «звѣрскаго обычая порабощать себѣ подобнаго человѣка, обычая—дикимъ народамъ приличнаго, обычая—знаменующаго сердце окаменѣлое и души отсутствіе совершенное».

«Земледѣльцы и доднесь между нами рабы; мы въ нихъ не познаемъ сограждан, намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка». Обращаясь къ согражданамъ, къ истиннымъ сыновьямъ отечества, Радищевъ призываетъ ихъ «всмотрѣться въ окружающее и познать заблужденіе свое». Радищевъ, какъ и Екатерина, ссылается на христіанскую религію, идеямъ которой противорѣчитъ самый фактъ порабощенія человѣка, но онъ старается доказать вредъ крѣпостного права и для государства.

Не только философія и религія, но и экономическая наука, по его мнѣнію, наглядно показываютъ все неразуміе сохраненія крѣпостного права: принудительная работа приноситъ гораздо меньше плода, чѣмъ свободная. Радищевъ не обошелъ вопроса и о томъ, какое вліяніе на общество оказываетъ явленіе, именуемое рабствомъ, крѣпостнымъ

правомъ. Онъ хорошо понималъ, что нѣтъ ничего вреднѣе, какъ постоянное сознаніе, что существуютъ въ обществѣ людей рабы, трудомъ которыхъ можно по произволу пользоваться. «Съ одной стороны родится надменность, а съ другой робость». Духъ природной свободы настолько изсякаетъ въ рабахъ, что имъ тягостно видѣть другихъ свободными, они привыкаютъ къ своей неволѣ и не ждутъ перемѣнъ. Но во сколько разъ тяжелѣе и отвратительнѣе становится рабство у жестокаго крѣпостника. «Страшись, помѣщикъ жестокосердый, на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу я твое осужденіе!» обращается Радищевъ къ одному изъ нихъ. А въ одномъ мѣстѣ «Путешествія», возвышая голосъ, онъ бросаетъ обвиненіе и укоры такимъ помѣщикамъ: «Звѣри алчные, піявцы ненасытныя, что мы крестьянину оставляемъ? То, чего отнять не можемъ, воздухъ! Да, одинъ воздухъ! Отъемлемъ нерѣдко у него, не только даръ земли—хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отнять у него жизнь. Но развѣ—мгновенно; сколько способовъ—отнять ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесиліе; съ другой немощь беззащитная, ибо помѣщикъ, въ отношеніи крестьянина, есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ».

«Жестокосердый помѣщикъ, продолжаетъ Радищевъ, посмотри на дѣтей крестьянъ тебѣ подвластныхъ. Они почти наги. Отчего? Не ты ли родителей ихъ обложилъ сверхъ всѣхъ полевыхъ работъ оброкомъ? Не ты ли несотканное еще полотно отбираешь у нихъ въ свою пользу?»

Конечно, не всѣ помѣщики проявляли такую безсердечность по отношенію къ своимъ крестьянамъ. Но жестокость была такъ естественна на почвѣ безправія крестьянъ и безотвѣтственности помѣщиковъ. Исторія крѣпостного права отмѣтила факты возмутительнаго произвола и ужасающихъ насилій. Ихъ отмѣчено, правда, немного, но можно допустить, что ихъ было больше, потому что многіе мелкіе случаи насилій вошли въ самый бытъ той среды, стали бытовымъ явленіемъ. Факты исключительной жестокости, конечно, были сравнительно рѣдки. Болѣе другихъ извѣстны истязанія, которымъ подвергала своихъ крестьянъ помѣщица Салтыкова, окрещенная народомъ Салтычихой или просто Людодѣдкою.

Въ царствованіе Екатерины II, когда гуманныя идеи, казалось, торжествовали, наиболѣе жестокихъ помѣщиковъ наказывали, даже ссылали въ каторжную работу въ Сибирь. Такихъ случаевъ наказаній помѣщиковъ извѣстно до 2-хъ десятковъ. А сколько случаевъ не дошло до суда! Сколько случаевъ было улажено при помощи подкупа судей и мѣстныхъ властей. Даже Салтычихѣ удавалось откупаться и 21 разъ заминать начатое противъ нея дѣло. Но хуже этого было то, что крѣпостное право съ его неизбѣжнымъ произволомъ въѣлось въ умы и сердца людей XVIII вѣка настолько глубоко, что многія явленія не считались преступными, недостойными человѣка. Даже среди передовыхъ людей встрѣчалось это нечуткое отношеніе къ крѣпостнымъ. Продажа дворовыхъ заодно съ вещами, съ собаками—это казалось допустимымъ, безобиднымъ, обыкновеннымъ дѣломъ, и возмущаться этимъ мало

кому приходило въ голову. Сама Екатерина II была увѣрена, что русскимъ крестьянамъ живется чрезвычайно хорошо и между помѣщикомъ и его крѣпостными существуютъ самыя добрыя семейственныя отношенія.

Мечтая сначала объ освобожденіи и столкнувшись съ враждебнымъ этому мнѣніемъ дворянства, она легко уступила. А когда по восточной окраинѣ прокатилась волна Пугачевщины, Екатерина II была сильно встревожена опасеніемъ и впредь такихъ возстаній крѣпостныхъ, и призывы Радищева къ облегченію ихъ участи оцѣнила, какъ возможность второй Пугачевщины. Только этимъ да отголосками французской революціи, доносившимися до Россіи, объясняется то, что къ Радищеву, въ наказаніе за его смѣлую книгу, была примѣнена та же мѣра, что и по отношенію къ жестокимъ крѣпостникамъ—ссылка въ Сибирь.

Въ своихъ замѣчаніяхъ на книгу Радищева Екатерина II иронизировала надъ авторомъ: «уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ».

Но цѣль Радищева была ясна. Громко и независимо онъ объявилъ основной устой тогдашняго общества, крѣпостное право, противорѣчащимъ справедливости и природѣ. Больше того, для тѣхъ кто въ теоріи былъ согласенъ съ нимъ, напримѣръ, для Екатерины, онъ наглядно показалъ, что теорія расходится съ истиннымъ положеніемъ вещей, и надо какъ можно скорѣе это положеніе вещей сдѣлать другимъ.

Тѣмъ, кто склоненъ былъ считать русскаго помѣщика батюшкой-бариномъ, онъ доказалъ своими путевыми набросками, выхваченными прямо изъ

жизни, что въ долѣ русскаго крестьянина далеко не все благополучно.

Вотъ первая сценка—одно изъ первыхъ впечатлѣній на третьей же станціи отъ Петербурга.

Радищевъ ѣхалъ по вымощенной бревнами дорогѣ, очень утомившей его. Онъ вылѣзъ изъ кибитки и пошелъ пѣшкомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги онъ увидѣлъ пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое, около полудня. День былъ воскресный.

— Богъ въ помощь,—сказалъ я, подойдя къ пахарю, который, не останавливаясь, доканчивалъ начатую борозду.—Богъ въ помощь,—повторилъ я.

— Спасибо, баринъ!—говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду.

— Ты, конечно, раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ.

— Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь,—сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три пальца.—А Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья.

— Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что и воскресенья не пропускаешь да еще и въ самый жаръ?

— Въ недѣлѣ то, баринъ, шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшееся въ лѣсу сѣно на господскій дворъ, коли погода хороша. А бабы и дѣвки для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды. Дай Богъ, чтобы подъ вечеръ сегодня дождикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они того же у Господа молятъ.

— У меня, мой другъ, мужиковъ нѣтъ, и поэтому меня никто не клянетъ. Велика ли у тебя семья?

— Три сына и три дочки. Первенькому то десятый годокъ.

— Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣба, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ?

— Не одни праздники, и ночь—наша! Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ!

Весь этотъ разговоръ съ пахаремъ наводитъ Радищева на мысль о чрезвычайно тяжеломъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ, выполняющихъ барщину. Они должны платить и исполнять то, чего захочетъ ихъ господинъ. Ихъ время и силы находятся въ безграничномъ распоряженіи помѣщика.

Отсюда понятна та бѣдность, нищета, въ которой живутъ помѣщичьи крестьяне.

На станціи Пешки Радищеву пришлось посѣтить крестьянскую избу.

«Я первый разъ внимательно осмотрѣлъ всю утварь крестьянской избы,—разсказываетъ Радищевъ.—Четыре стѣны, до половины покрытыя, какъ и весь потолокъ, сажею; полъ—въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ поросъ грязью; печь безъ трубы, но зато лучшая защита отъ холода; дымъ всякое утро и зимой и лѣтомъ наполняетъ избу. Окна, въ которыхъ натянутый пузырь даже въ полдень пропускалъ только сумрачный полусвѣтъ; два или три горшка; деревянная чашка и кружки, называемыя тарелками. Столъ топоромъ сработанный. Корыто для корма свиней или телятъ, если есть. Тяжелый воздухъ, въ которомъ горящая свѣча кажется какъ въ туманѣ или за завѣсою. Въ видѣ роскоши—кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, да баня, въ которой спитъ скотъ, когда въ ней не парятся люди. Посконная рубаха, обувь—данная при-

родой, онучи съ лаптями для выхода. — Вотъ, въ чемъ почитается, по справедливости, источникъ государственнаго избытка, силы, могущества, — восклицаетъ Радищевъ. — Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе».

Передъ читателемъ «Путешествія» проходитъ цѣлый рядъ такихъ бытовыхъ картинокъ изъ жизни крестьянина. Тягости его житья-бытья, горе народное, звучащее въ заунывномъ напѣвѣ народныхъ пѣсенъ и заливаемое водкой въ кабакахъ — все это было близко сердцу Радищева, и онъ готовъ погрустить и даже пролить слезы надъ печальной участью какой-нибудь деревенской Анюты или надъ незавидною долею слуги Петрушки. Онъ умѣетъ просто подойти къ крестьянину, заговорить съ нимъ, разспросить о его жизни, посовѣтовать и утѣшить. Но его голосъ дрожитъ отъ негодованія, когда онъ разсказываетъ о своеволіи помѣщиковъ.

Онъ готовъ оправдать крестьянскіе мятежи и бунты, какъ естественное противодѣйствіе доведенныхъ до крайности людей, не находящихъ защиты у закона. Въ этомъ Радищевъ не могъ, конечно, найти поддержки ни у общества, ни у Екатерины. Но высказывая мысль, что угнетеніе сверху можетъ вызвать противодѣйствіе и взрывъ снизу, Радищевъ хотѣлъ убѣдить современниковъ, что то, къ чему они такъ привыкли, какъ къ обычному, повседневному, есть въ сущности то же угнетеніе. Для этого онъ изображаетъ сцену отдачи въ рекруты и сцену продажи дворовыхъ съ публичнаго торга. Сколько разъ въ различныхъ частяхъ Россіи происходили подобныя вещи. Отдача въ рекруты — вѣдь это не-

обходимо для государства. Продажа крестьянъ—вѣдь это неизбѣжно при правѣ владѣнія ими. Но помѣщики и изъ этого умѣли дѣлать средства угнетенія подвластныхъ имъ крѣпостныхъ. Отдача въ рекруты стала однимъ изъ тяжелыхъ наказаній. Радищевъ разсказываетъ, какъ одна помѣщица за ослушаніе отдаетъ въ солдаты крѣпостного, молодого человѣка, получившаго образованіе и даже отпущеннаго на волю, но только на словахъ, старымъ покойнымъ бариномъ, завѣщаніе котораго не было исполнено его наслѣдниками.

Особенно много злоупотребленій было съ продажею крестьянъ въ рекруты за большія суммы, вмѣсто другихъ, кому надлежало идти въ солдаты. И хотя продажа крѣпостныхъ во время набора была запрещена, но ее очень легко обходили. Радищевъ разсказываетъ о встрѣчѣ на одной станціи нѣсколькихъ скованныхъ людей. Онъ удивился, что нужна такая жестокость, какъ цѣпи, чтобы заставить этихъ людей стать солдатами.

«Я спросилъ у одного стоящаго вблизи чиновника, не изъ боязни ли побѣга заключили ихъ въ тяжелыя оковы.

— Вы отгадали,—отвѣчалъ тотъ:—они принадлежали одному помѣщику, которому понадобились деньги на новую карету, и для полученія ихъ онъ продалъ крестьянъ въ рекруты».

Еще болѣе печальныя картины рисуетъ Радищевъ, когда разсказываетъ о продажѣ съ аукціона крѣпостныхъ.

«Каждую недѣлю два раза вся Россійская Имперія извѣщается, что N.N. не въ состояніи или не хочетъ платить того, что занялъ или взялъ, или чего отъ

него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, либо раздарено, потеряно, либо N.N. другими какими случаями вошелъ въ долгъ. Объявляется—«Сего .... дня по-полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда, или городового магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставного капитана Г... недвижимое имѣніе, домъ—состоящій въ.... части, подъ №... и при немъ, шесть душъ мужского и женскаго пола; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно».

На дешевое охотниковъ всегда много.

Наступилъ день и часъ продажи. Покупщики съѣзжаются. Въ залѣ, гдѣ все это происходитъ, стоятъ неподвижно предназначенные къ продажѣ. Старикъ, лѣтъ 75, опершись на вязовую дубинку, старается угадать, кому судьба отдастъ его въ руки, кто закроетъ ему глаза. Съ отцомъ господина своего онъ былъ въ крымскомъ походѣ; при фельдмаршалѣ Минихѣ въ франкфуртскую баталію онъ своего раненаго господина вынесъ на плечахъ изъ строя. Возвращаясь домой, онъ былъ дядькой своего молодого барина. Въ дѣтствѣ онъ спасъ ему жизнь, бросившись за нимъ въ рѣку, куда ребенокъ упалъ съ парома. Въ юности выкупилъ его изъ тюрьмы, куда тотъ посаженъ былъ за долги, когда былъ въ гвардіи унтеръ-офицеромъ.

Старуха, лѣтъ 80, жена его, была кормилицей матери своего молодого барина; была его нянькою и смотрѣла за хозяйствомъ до самаго того часа, какъ выведена на продажу. Во время своей службы ничего у господъ не утратила, ни чѣмъ не прельстилась, никогда не лгала, а если имъ иногда и при-

чиняла досаду, то развѣ только своей правдивостью.

Женщина, лѣтъ 40, вдова, кормилица молодого барина, и до сегодняшняго дня чувствуетъ она къ нему нѣкоторую нѣжность. Въ жилахъ его льется ея кровь. Она ему вторая мать, и ей онъ больше обязанъ своей жизнью, чѣмъ родной матери, которая не заботилась о немъ въ дѣтствѣ. Кормилица и нянька его были его воспитательницами: онѣ разстаются съ нимъ, какъ съ сыномъ.

Молодая женщина, 18 лѣтъ, дочь ея и внучка стариковъ съ ребенкомъ на рукахъ.

Дѣтина, лѣтъ 25-ти, мужъ ея, спутникъ и наперсникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ его глазахъ. Раскаивается онъ въ своихъ угожденіяхъ господину.

Въ карманѣ у него ножъ, онъ схватилъ его крѣпко, мысль его отгадать нетрудно...

Едва несущій ужасъ молотокъ издалъ глухой стукъ и четверо несчастныхъ узнали свою участь,— слезы, рыданія, стонъ пронзили уши всѣхъ собравшихся».

Чувствительное сердца Радищева заставляло его глубоко возмущаться подобными сценами. Онѣ оскорбляли въ немъ чувство человѣчности, и Радищевъ пытается найти выходъ изъ противорѣчія теорій съ жизнью. Онъ составляетъ проектъ уничтоженія крѣпостного права. Своимъ проектомъ Радищевъ далеко опередилъ современниковъ и Екатерину, мечтавшую довольно неопредѣленно объ освобожденіи крестьянъ.

Радищевъ понимаетъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости не иначе какъ съ землею: часть земли, которую обрабатываютъ крестьяне, они

должны получить въ собственность. Но первымъ шагомъ къ освобожденію крестьянъ Радищевъ считаетъ уничтоженіе «домашняго рабства» и предлагаетъ запретить помѣщикамъ обращать крестьянъ въ дворовыхъ. Радищевъ требуетъ признанія за крѣпостными права вступать въ бракъ безъ согласія господина.

Второй шагъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ—это полученіе крестьяниномъ земельнаго надѣла, пріобрѣтенное имъ имущество должно принадлежать ему и не можетъ быть у него отнято по произволу. Радищевъ требуетъ запрещенія наказаній безъ суда. Послѣ осуществленія этого, наконецъ, слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства. Это было завѣтной мечтой Радищева, въ этомъ онъ опередилъ свой вѣкъ. И всю защиту крестьянъ отъ произвола и безправія онъ принялъ на себя въ своемъ знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву».

VI.

СУДЪ НАДЪ ПИСАТЕЛЕМЪ.

Первые поиски автора.—Арестъ и допросы.—Душевное состояніе Радищева.—Показаніе писателя и обращеніе къ императрицѣ.—Судъ Уголовной палаты.—Приговоръ и смягченіе его.

При первыхъ извѣстіяхъ о книгѣ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Екатерина II всполошилась. Ея секретарь записалъ то мнѣніе, которое обронила она при первомъ впечатлѣніи отъ книги: «тутъ разсѣваніе заразы французской, отвращеніе отъ начальства». Послали за оберъ-полицмейстеромъ Рылѣевымъ, который цензировалъ книгу, не читавъ ея, удовольствовавшись лишь невинностью заглавія.

Сразу же возникло подозрѣніе на Радищева и его пріятеля по Лейпцигу, Челищева, человѣка тоже глубоко проникшагося «гуманными теоріями» и очень страдавшаго отъ столкновеній съ русской жизнью. «По городу слухъ, записала Екатерина, будто Радищевъ и Челищевъ писали и печатали въ домовой

типографіи ту книгу; изслѣдовавъ лучше, узнаемъ». Предположеніе объ участіи Челищева въ составленіи книги скоро отпало вовсе, а подозрѣніе на Радищева укрѣпилось, особенно послѣ допроса Герасима Зотова, у котораго продавалось «Путешествіе». Зотовъ сначала говорилъ, что не знаетъ ни издателя книги, ни типографіи, въ которой она печаталась; шрифтъ книги показался ему похожимъ на шрифтъ одной типографіи Шнора. Но уже на другой день послѣ перваго допроса, 29 іюня, Зотовъ показалъ, что «многіе гостинодворцы и таможенные писаря говорили ему, что книга печатана въ типографіи Радищева». Онъ высказалъ догадку, что книга дѣйствительно могла быть подослана къ нему «съ сердцовъ» за то, что Зотовъ получилъ отъ таможни тысячъ до семи за доносъ о неявленныхъ въ таможнѣ товарахъ, а «Радищеву по простотѣ своей ничѣмъ не поклонился». Зотовъ разсказалъ, что хотѣлъ получить еще нѣсколько экземпляровъ для продажи, когда книгу стали очень спрашивать, но Радищевъ не далъ ему ничего, зато Зотовъ видѣлъ въ домѣ его типографію, въ которой наборщиками служатъ таможенные досмотрщики и люди Радищева. Этого было довольно, чтобы арестовать писателя. Предчувствуя бѣду, онъ сначала собралъ и привелъ въ порядокъ бывшую въ цензурѣ рукопись, какъ оправдательный документъ, а потомъ даже сжегъ корректурные оттиски, листки съ поправками и черновики, велѣлъ также сжечь всѣ остававшіеся экземпляры книги. Но 30-го іюня 1790 г., на другой день послѣ допроса и освобожденія Зотова, Радищевъ былъ заключенъ подъ стражу.

2-го іюля Радищевъ уже сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, и слѣдствіе по его дѣлу было поручено «кнутобойцѣ» Шешковскому, завѣдывавшему Тайной канцеляріей, учрежденной для спеціальнаго розыска по политическимъ и секретнымъ дѣламъ.

Жестокіе допросы Шешковскаго были хорошо извѣстны всѣмъ, такъ что услышавъ одно это имя, Радищевъ упалъ въ обморокъ. Мысли о семьѣ, о неизвѣстномъ будущемъ, о незаслуженныхъ оскорбленіяхъ страшно волновали его. Старшему изъ дѣтей было только тринадцать лѣтъ, а младшему 7; они остались на попеченіи Елизаветы Васильевны Рубановской. У Радищева былъ въ Петербургѣ и братъ, но ему нельзя было поручить заботу о дѣтяхъ, такъ какъ онъ самъ велъ чрезвычайно безпутную жизнь. Былъ и другой братъ, но въ Архангельскѣ. Отсутствіе въ домѣ мужчины, подрастающія дѣти, безпутный братъ, множество дѣлъ, оставленныхъ неоконченными—все это чрезвычайно тревожило Радищева и создавало невыносимое настроеніе. Для себя онъ могъ ожидать самаго худшаго, судя по тому, что его заключили въ Петропавловскую крѣпость, какъ тягчайшаго преступника, и дѣло его поручили Шешковскому, пристрастному слѣдователю, который изъ ничего можетъ создать огромное дѣло. На первыхъ же допросахъ своими показаніями Радищевъ хочетъ смягчить свой поступокъ, объяснить его въ болѣе выгодномъ для себя свѣтѣ. Его спрашивали, напримѣръ, почему онъ осуждаетъ нынѣшній образъ правленія и описываетъ его недостатки, Радищевъ отвѣчалъ на это, что никогда не намѣренъ былъ «осуждать нынѣшняго

образа правленія» и если говорилъ о злоупотребленіяхъ, то теперь признается, что это было не его дѣло. Онъ готовъ называть свой поступокъ сумасшествіемъ, сумасбродствомъ, и на прямой вопросъ о томъ, кого онъ имѣлъ въ виду въ томъ или иномъ мѣстѣ книги, Радищевъ отвѣтилъ, что писалъ «въ общемъ смыслѣ» и ни на кого не намекалъ. Ему задавали вопросы по самымъ главнымъ пунктамъ его нападокъ и обличеній, и онъ при этомъ напискѣ грознаго Шешковскаго не устоялъ и сдавалъ позицію за позиціей, соглашаясь, что у хорошаго помѣщика крестьяне благоденствуютъ больше, нежели гдѣ либо, соглашаясь, что заблуждался, вѣря въ возможность обойтись безъ цензуры, что изъ собственнаго опыта онъ убѣждается въ благодѣтельномъ дѣйствіи ея, потому что она многихъ заблужденно мыслящихъ можетъ спасти отъ погибели.

Онъ готовъ признать, что многія рѣзкости въ его книгѣ весьма дерзновенны, и даже готовъ просить себѣ снисхожденія «ради престарѣлыхъ родителей и малолѣтнихъ дѣтей».

Но мы были бы далеко неправы, если бы увидѣли въ этомъ малодушіи Радищева признаки отказа его отъ своихъ убѣжденій. Это, какъ увидимъ, далеко не такъ. А покаянныя письма, отправленныя къ Шешковскому, свидѣтельствуютъ только о глубокихъ душевныхъ страданіяхъ, которыя переносилъ Радищевъ въ крѣпости. При душевномъ состояніи заключеннаго такъ понятно, что онъ готовъ былъ проклинать свой поступокъ съ изданіемъ книги, когда жизненныя противорѣчія повернулись къ нему самой острой, самой болѣзненной своей стороной. Воспитанникъ французской гуманной

философіи, самъ рожденный съ чувствительнымъ сердцемъ, видя отклики западно-европейскихъ идей въ окружающемъ обществѣ, могъ ли онъ, привыкшій прямо и нелицемѣрно относиться ко всему, могъ ли онъ думать, что между теоріей и жизнью такая большая пропасть. Могъ ли онъ знать, что въ Россіи разрѣшается только исповѣданіе теоріи, а попытка на практикѣ приложить эту теорію карается уголовными законами. Въ одномъ былъ правъ Радищевъ, когда оправдывалъ себя на допросахъ, онъ нигдѣ не призывалъ къ бунту, и этотъ пунктъ обвиненія былъ менѣе всего доказанъ на слѣдствіи и болѣе всего испугалъ Радищева. Ему говорили, что онъ бунтовщикъ, что онъ второй Пугачевъ, что онъ распространитель заразы французской. Ему ставили въ вину мѣста въ «Путешествіи», гдѣ онъ говорилъ, что освобожденія крестьянъ можно ожидать снизу, какъ результатъ порабощенія ихъ. Ему ставили въ вину неуважительныя слова о царской власти и восторженныя похвалы Кромвелю, отнявшему у англійскаго короля Карла I его престолъ и власть судебнымъ порядкомъ. Но вѣдь эти мысли были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣхъ идей народоправства, которыя Радищевъ усвоилъ въ Лейпцигѣ, по желанію самой Екатерины II. И отказаться отъ этихъ глубоко залегшихъ въ умѣ Радищева идей онъ, конечно, не могъ. Это былъ новый ударъ непонятной и негуманной дѣйствительности, только болѣе сильный, чѣмъ тотъ толчокъ, который ощутили два друга, возвращаясь изъ Лейпцига. Тогда первыя жизненныя впечатлѣнія умѣрили значительно ихъ юношескій пылъ. Теперь арестъ и неизвѣстная грядущая кара способны были смутить

и привести въ совершенное замѣшательство человѣка болѣе спокойнаго и болѣе здороваго, чѣмъ Радищевъ. Но искоренить, заглушить въ немъ то, что складывалось годами, что принималось сознательно и съ критикой, конечно, никакой Шешковскій и никакая Петропавловская крѣпость не могли.

Сохранилось преданіе, что при проѣздѣ черезъ Сибирь, въ Тобольскѣ, Радищевъ на обращенный къ нему вопросъ сказалъ экспромптомъ:

Ты хочешь знать, кто я? Что я? Куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ и буду весь мой вѣкъ:
Ни скотъ, ни дерево, ни рабъ, но человѣкъ!
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ и въ стихахъ.

И еще немного позже онъ прямо назвалъ свое раскаяніе въ крѣпости отреченіемъ Галилея, который принужденіемъ инквизиціи долженъ былъ съ ней согласиться, что земля неподвижна, но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ воскликнулъ: «А все-таки она движется!»

Въ первые дни заключенія Радищева подъ стражей и въ Петропавловской крѣпости еще нельзя было предвидѣть, чѣмъ кончится это дѣло: въ практикѣ тогдашнихъ судовъ такихъ дѣлъ не бывало; существовавшіе тогда законы тоже не подходили къ преступленію Радищева. Возможность благополучнаго для писателя исхода подтверждалась тѣмъ, что высказываніе своихъ мнѣній въ царствованіе Екатерины разрѣшалось довольно свободно. О тяжелой участи крестьянъ, о жестокости помѣщиковъ еще до Радищева открыто говорилъ въ издаваемыхъ имъ журналахъ Николай Ивановичъ Новиковъ.

О самодержавной власти точно такъ же довольно свободно говорилъ въ одной трагедіи поэтъ Николевъ, который называлъ самовластье «пагубнымъ» учрежденіемъ. «Можно ли ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость сидитъ на престолѣ, гдѣ властью одного скованы всѣ сердца?»—восклицалъ Николевъ. Основываясь на этихъ примѣрахъ терпимости Екатерины, разрѣшавшей всѣмъ, по выраженію Державина: «о себѣ и былъ и небылъ говорить», Радищевъ могъ разсчитывать на ея снисхожденіе. Страшнѣе казались допросы Шешковскаго и заточеніе въ крѣпости.

Изъ дома Радищева отъ имени его свояченицы Елизаветы Васильевны, замѣнившей оставшимся дѣтямъ мать, каждый день посылался вѣрный слуга къ грозному Шешковскому съ гостинцами. Онъ приносилъ ежедневно успокоительный отвѣтъ, что все благополучно. Одинъ разъ Шешковскій разрѣшилъ даже свиданіе съ Радищевымъ въ крѣпости.

Въ первые дни іюля Екатерина продолжала читать книгу Радищева и составлять къ ней свои примѣчанія.

7-го іюля примѣчанія уже были отосланы къ Шешковскому, который, слѣдуя пунктъ за пунктомъ примѣчаніямъ Екатерины, допрашивалъ Радищева обо всемъ, что императрицѣ показалось преступнымъ.

Главнымъ пунктомъ обвиненій былъ, конечно, призывъ къ бунту и возмущенію. Радищевъ и самъ догадывался объ этомъ и еще до формальнаго допроса показывалъ объ этомъ въ крѣпости: «Если кто скажетъ, что я писалъ эту книгу съ цѣлью сдѣлать возмущеніе, тому я скажу, что онъ ошибается, вѣдь нашъ народъ книгъ не читаетъ, и писана она слогомъ для простого народа непонят-

нѣмъ, и напечатано ея очень малое количество экземпляровъ. Да и можетъ ли думать о возмущеніи тотъ, кто не имѣетъ сообщниковъ? Занятый съ самаго утра до заката солнца хлопотливой должностью, собирая таможенный сборъ, я имѣлъ только одно удовольствіе: нѣсколько часовъ отдыха проводить съ моей семьей. Семья несчастная, несчастныя дѣти, любезные родители, что должны вы обо мнѣ теперь думать, видя во мнѣ преступника?»

Онъ не можетъ понять, въ чемъ его преступленіе. Въ томъ, что издалъ книгу? Вспоминая ничѣмъ не запятнанную жизнь свою, онъ теряется въ догадкахъ.

«Могъ ли когда либо я подумать, могъ ли вообразить себѣ хотя на одну минуту, что меня сочтутъ преступникомъ?»

И мысли заключеннаго все время уносятся къ семьѣ. Неизвѣстность будущаго, грустная участь дѣтей подавляютъ его.

Онъ обращается и къ Екатеринѣ II съ просьбой и мольбой: «Пощади, пощади мгновенное заблужденіе!» «О всещедрая государыня, о ты, которую милліоны различныхъ народовъ благословляютъ, не .лиши, о милосердая, единаго въ жизни бѣдственной утѣшенія, видѣть плачевное мое семейство, услышь моленіе несчастнаго, дай увидѣть престарѣлыхъ моихъ родителей».

И, чтобы показать, что онъ не имѣлъ дурного намѣренія, Радищевъ разсказываетъ всю исторію возникновенія его дерзновенной книги.

Первая мысль написать «Путешествіе» пришла ему въ голову тогда, когда онъ прочелъ книгу ан-

глійскаго писателя Стерна, разсказавшаго впечатлѣнія своихъ странствованій по Франціи. Радищевъ записывалъ случаи и разсказы, о которыхъ слышалъ отъ другихъ, и чтобъ избѣгнуть лишней обработки, онъ просто включалъ эти разсказы подъ той или иной главой «Путешествія». Разсказы о крестьянахъ были включены въ «Путешествіе» подъ вліяніемъ другой книги, прочитанной въ это время Радищевымъ. Это была «Исторія обѣихъ Индій» французскаго аббата Рейналя; въ ней говорилось о страданіяхъ невольниковъ въ Америкѣ, напоминавшихъ Радищеву нашихъ крѣпостныхъ. Книга составилась такимъ образомъ изъ отдѣльныхъ разсказовъ, къ которымъ въ концѣ была добавлена замѣтка о Ломоносовѣ, предполагавшаяся къ выпуску отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ этихъ своихъ показаніяхъ въ крѣпости Радищевъ разсказалъ и всю исторію съ печатаньемъ книги.

Съ того времени, когда при Екатеринѣ II было разрѣшено всѣмъ заводить типографіи, Радищевъ купилъ типографскій станокъ со шрифтомъ у Шнора и занялся печатаньемъ своихъ сочиненій. Первой онъ выпустилъ маленькую книжку подъ заглавіемъ «Письмо къ другу, живущему въ Тобольскѣ», а затѣмъ извѣстную уже намъ біографію Ушакова и «Путешествіе». Радищевъ не скрылъ, что послѣ цензуры Никиты Рылѣева, невѣжественнаго полицмейстера петербургскаго, онъ при печатаніи исправилъ и добавилъ кое-что въ текстѣ книги. Такъ вся статья о цензурѣ была вставлена въ книгу уже при печатаніи. Конечно, и это тоже было поставлено въ вину Радищеву.

Тѣмъ временемъ дѣло шло своимъ порядкомъ.

Еще до суда «Путешествіе» было запрещено къ продажѣ и къ печатанію, какъ зловредная книга, въ которой многія страницы не были представлены въ цензуру. Самое дѣло Радищева передано было въ палату уголовнаго суда.

По распоряженію главнокомандующаго въ Петербургѣ судъ былъ обставленъ строго. Въ судѣ надлежало прочесть высочайшій указъ, не впуская въ это время даже канцелярскихъ служителей, а затѣмъ спросить Радищева по пяти вопроснымъ пунктамъ: въ какомъ намѣреніи сочинена книга, кто сообщники, чувствуетъ ли важность преступленія, сколько напечатано экземпляровъ и кому они даны.

Такъ какъ Радищевъ попрежнему содержался въ крѣпости, то всякій разъ для суда посылали за нимъ чиновника, съ которымъ онъ и возвращался въ крѣпость. При доставленіи и отправкѣ обратно предписывалось «имѣть всякую предосторожность какъ съ важнымъ арестантомъ».

На вопросы суда Радищевъ, какъ и раньше, показалъ, что единственнымъ намѣреніемъ его при изданіи книги было желаніе прославиться и что сообщниковъ въ дѣлѣ онъ не имѣлъ никакихъ.

Уголовная палата прибѣгла къ священническому увѣщеванію Радищева—показывать истинную правду по этимъ самымъ существеннымъ пунктамъ.

Радищевъ стоялъ на своемъ.

Судъ произвелъ цѣлое разслѣдованіе о людяхъ, помогавшихъ Радищеву печатать книгу, но долженъ былъ согласиться, что ихъ нельзя назвать сообщниками.

Хотя Радищевъ еще разъ призналъ передъ судомъ свою книгу дерзновенной и приносилъ повинную, но судъ призналъ его тяжкимъ преступникомъ. Уголовная палата приговорила его къ лишенію чиновъ и дворянства, отобранію ордена и къ смертной казни.

Смертная казнь за свободную, правдивую книгу— это было какимъ-то противоестественнымъ выводомъ, и для того, чтобы подкрѣпить его указаніями на законъ, уголовной палатѣ пришлось сдѣлать еще болѣе противоестественныя ссылки.

Для того, чтобы основать приговоръ къ смертной казни, уголовная палата ссылалась чуть ли не на всѣ мѣста уголовнаго уложенія, предусматривавшія эту мѣру наказанія. Она сослалась, напримѣръ, на такой законъ: «а которые воры чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей воровскимъ своимъ измышленіемъ затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнити смертію». Хуже того: уголовная палата сослалась на законъ, грозившій смертью тому, кто захочетъ «Московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти и для того своего злого умышленія начнетъ рать собирати».

Еще невѣроятнѣе была ссылка на одно мѣсто воинскаго устава, которое угрожало тягчайшимъ наказаніемъ тѣмъ, кто на войнѣ уступитъ крѣпость раньше, чѣмъ попробуетъ примѣнить крайнюю силу.

Такъ подгоняли судьи Радищева его преступленіе подъ русскіе законы.

Но какъ ни нелѣпа была эта ссылка на неотносившіеся къ дѣлу законы, Сенатъ, куда перенесено было дѣло, призналъ приговоръ правильнымъ. Оставалось только Екатеринѣ II утвердить приговоръ,

такъ какъ Радищевъ былъ дворянинъ и безъ утвержденія императрицы его нельзя было лишить жизни.

Послѣ приговора, ожидая скорой смерти, Радищевъ написалъ завѣщаніе, которое начиналось словами: «Свершилось!» Онъ дѣлалъ въ немъ послѣднія распоряженія о нѣкоторыхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, давалъ послѣднія наставленія своимъ дѣтямъ.

Въ ожиданіи утвержденія приговора Радищевъ пробылъ цѣлый мѣсяцъ въ Петропавловской крѣпости: только 4 сентября послѣдовалъ именной указъ, данный Сенату, о наказаніи Радищева. Въ указѣ Екатерина II соглашалась съ постановленіемъ палаты, признавая, что «по роду столь важной вины онъ заслуживаетъ сію казнь, по точной силѣ законовъ ему приговоренную. Но послѣдуя правиламъ нашимъ, говорилось въ указѣ,—чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды... вожделѣннымъ миромъ съ Швеціей, освобождаемъ его отъ лишенія живота (жизни) и повелѣваемъ, вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки, ордена и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе».

VII.

РАДИЩЕВЪ ВЪ СИБИРИ.

Толки и слухи о дѣлѣ Радищева.—Заботы гр. Воронцова.—Путь въ Сибирь.—Пріѣздъ Е. В. Рубановской съ дѣтьми.—Въ Илимскѣ.—Отношеніе къ Радищеву жителей.—Интересы и занятія Радищева.—Лѣченіе больныхъ.—Степанушка.

Суровый приговоръ надъ Радищевымъ страшно поразилъ всѣхъ. Покровитель его, гр. А. Р. Воронцовъ, получилъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ высказывалось удивленіе и сожалѣніе по поводу случившагося. Изъ Англіи ему писалъ братъ, графъ С. Р. Воронцовъ: «Десять лѣтъ ссылки для человѣка, у котораго — дѣти, это хуже, чѣмъ смерть. Онъ вѣдь долженъ или разлучиться съ ними или махнуть рукой на ихъ воспитаніе и службу, если возьметъ съ собою».

О судьбѣ Радищева безпокоился и давнишній другъ его А. М. Кутузовъ, жившій тогда въ Берлинѣ. Чуть ли не въ каждомъ письмѣ къ друзьямъ въ Россію онъ задаетъ вопросы о своемъ «несчастномъ другѣ»—Радищевѣ.

До Кутузова доходили только слухи, иногда невѣрные, въ письмахъ друзей и въ случайныхъ извѣстіяхъ; но и по этимъ письмамъ Кутузовъ зналъ, что его подозрѣваютъ тоже въ дѣлѣ Радищева. «Путешествіе» и другія произведенія были посвящены Кутузову, съ Кутузовымъ вмѣстѣ авторъ провелъ всѣ свои юношескіе годы и «французская зараза», какъ выражалась Екатерина, коснулась, конечно, вмѣстѣ съ Радищевымъ и Кутузова. Но его спасло пребываніе за границей.

О Радищевѣ дѣйствительно тогда ходило много слуховъ. Одно время упорно передавали извѣстіе о помилованіи, благодаря ходатайству кн. Потемкина. Вѣсть объ этомъ донеслась до Архангельска къ брату Радищева, проникла заграницу къ Кутузову. Одинъ изъ друзей сообщалъ послѣднему, что Радищевъ прощенъ, и велѣно возвратить его съ дороги безъ права въѣзжать въ обѣ столицы. Братъ Радищева узналъ объ этомъ невѣрномъ слухѣ еще съ бо̀льшими подробностями. Ему разсказывали, что вдогонку за ссылаемымъ писателемъ посланъ былъ курьеръ, настигшій его еще въ началѣ дороги.

Эти слухи разлетались по городамъ потому, что дѣло Радищева было окутано нѣкоторой тайной. Въ Москвѣ о немъ почти ничего не знали, да и въ Петербургѣ знали мало. Такъ же таинственно увезли Радищева въ ссылку. Даже другъ и покровитель его гр. Воронцовъ не былъ хорошо освѣдомленъ о времени и мѣстѣ отправленія. Принявъ на себя заботу о сосланномъ, его семьѣ и дѣтяхъ, гр. Воронцовъ хотѣлъ снабдить Радищева всѣмъ необходимымъ для дальней дороги въ осеннее и зимнее время. Воронцовъ внесъ въ крѣпость 300 рублей

для покупки всего, что нужно, но Радищева снаряжали въ другомъ мѣстѣ и очень поспѣшно, такъ что вмѣсто вещей выдали ему только деньги.

Неизвѣстно, по чьему распоряженію Радищева вывели скованнымъ, надѣвъ на него «гнусный нагольный тулупъ», который тутъ же взяли у сторожа или солдата.

По ходатайству Воронцова, Екатерина II приказала отправить вслѣдъ за сосланнымъ курьера съ повелѣніемъ снять оковы и доставить Радищеву все нужное въ пути. Курьеръ догналъ его въ Новгородѣ, и здѣсь Радищевъ получилъ уже нѣкоторую свободу, которой пользовался на всемъ пути до Илимска—мѣста своей ссылки.

Этотъ курьеръ, вѣроятно, и послужилъ основаніемъ легендъ о помилованіи Радищева.

Заботливость гр. Воронцова сопровождала писателя на всемъ длинномъ, пятитысячеверстномъ пути. Онъ пишетъ во всѣ большіе города, черезъ которые проѣзжаетъ Радищевъ, пишетъ ко всѣмъ губернаторамъ по дорогѣ въ Сибирь, съ просьбой оказывать ссыльному писателю всяческое содѣйствіе «Таковое благодѣяніе ему (Радищеву) оказанное, повторяетъ онъ въ этихъ письмахъ, приму я отъ васъ за личное себѣ одолженіе».

Тверского губернатора онъ проситъ снабдить Радищева «пристойнымъ и покрытымъ тулупомъ, шубою, обувью, чулками и прочимъ бѣльемъ и платьемъ».

Благодаря всему этому, трудности пути были немного облегчены, хотя Радищевъ ѣхалъ больнымъ и въ Москвѣ принужденъ былъ немного задержаться до выздоровленія. Онъ провелъ нѣсколько

дней въ домѣ своего старика-отца, пріѣхавшаго тогда въ Москву. Мать, разбитая параличомъ съ того дня, когда узнала объ участи своего сына, осталась въ Саратовской губерніи.

Тяжело было Радищеву это новое разставаніе съ отцомъ; и всю дальнѣйшую дорогу отъ Москвы его не покидаютъ мысли о роднихъ и дѣтяхъ.

Въ письмахъ къ гр. Воронцову съ дороги онъ постоянно говоритъ о дѣтяхъ. «Призри ихъ великодушно, не оставь ихъ твоимъ покровительствомъ, не оставь твоимъ совѣтомъ и ту, которая по смерти жены моей имъ служила вмѣсто матери. Не отвергни иногда ея прошеніе и дай ей наставленіе: она страдаетъ лишь ради того, что имѣла привязанность къ женѣ моей, къ моимъ дѣтямъ и ко мнѣ».

«Касательно до душевнаго моего расположенія, то я солгу, если скажу, что спокоенъ,—пишетъ онъ Воронцову:—Душа моя болитъ и сердце страждетъ».

Въ серединѣ декабря Радищевъ добрался до Тобольска. Здѣсь онъ пробылъ больше полугода, поджидая Елизавету Васильевну съ двумя маленькими дѣтьми, съ которыми она выѣхала въ Сибирь раздѣлить участь Радищева [1]).

Въ Тобольскѣ Радищевъ располагалъ полной свободой, свелъ много знакомствъ. Благодаря заботливымъ письмамъ гр. Воронцова, Радищева всюду принимали съ распростертыми объятьями, приглашали на обѣды, вечера, спектакли.

---

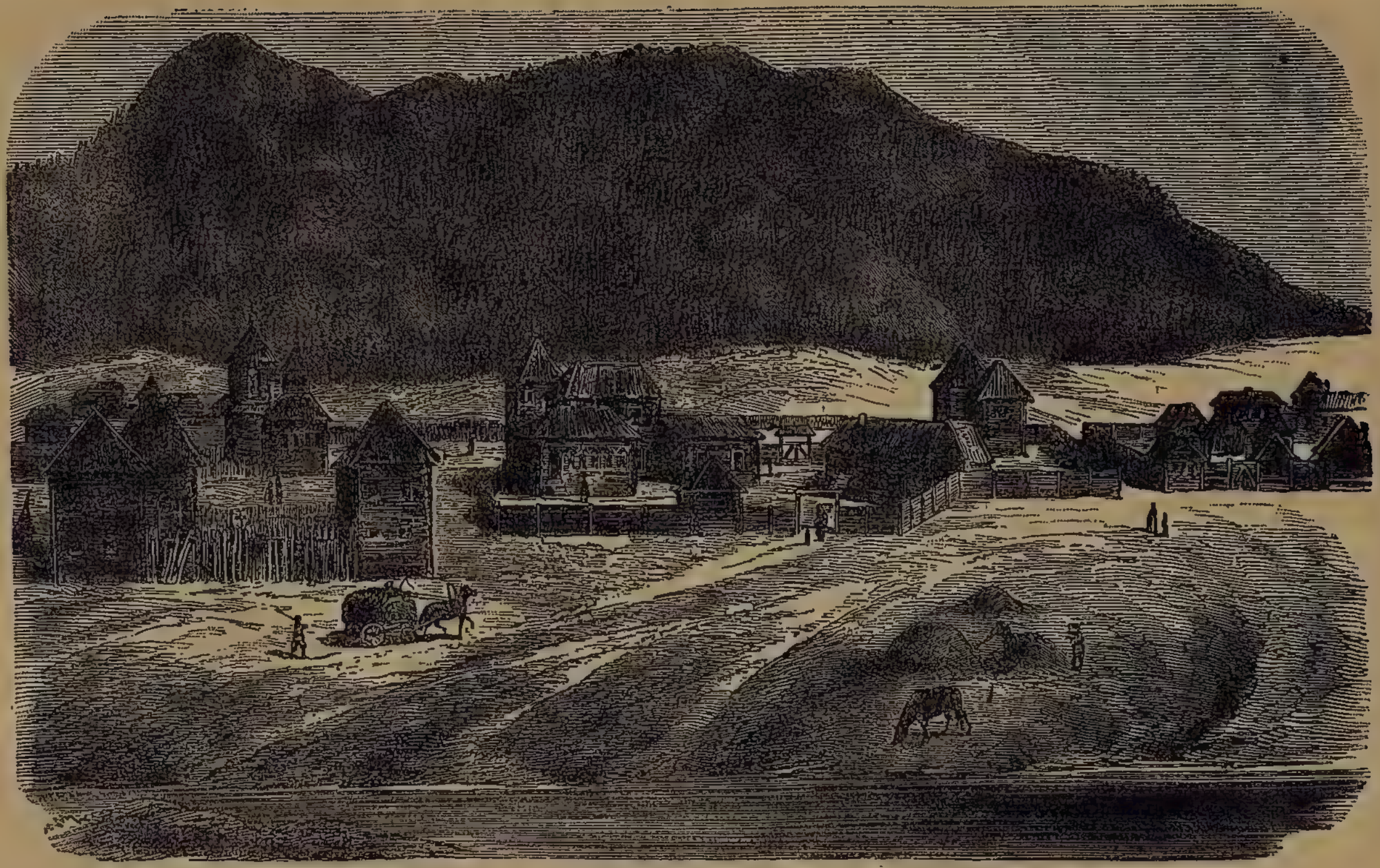
[1]) Двое старшихъ сыновей, по совѣту Воронцова, остались у брата Радищева въ Архангельскѣ.

Радищевъ свелъ здѣсь и литературныя знакомства, такъ какъ въ Тобольскѣ тогда выходилъ журналъ, въ которомъ печатались стихи и статьи нѣсколькихъ случайно очутившихся въ Тобольскѣ некрупныхъ писателей. Познакомился Радищевъ и съ другими ссыльными, дворянами; но это были люди, осужденные за уголовныя дѣла: поддѣлку ассигнацій, векселей и проч.

Путь изъ Тобольска къ мѣсту своего назначенія Радищевъ совершилъ уже вмѣстѣ съ Елизаветой Васильевной и дѣтьми. Небольшія остановки въ Томскѣ и Иркутскѣ ихъ нѣсколько задержали, и только 3-го января 1791 года они прибыли, наконецъ, въ Илимскъ. Здѣсь для Радищева былъ уже приготовленъ воеводскій домъ.

Маленькій поселокъ, въ которомъ очутился Радищевъ, стоялъ на берегу Илима у подошвы лѣсистыхъ горъ. Даже при взглядѣ на карандашный рисунокъ, современный пребыванію Радищева въ Илимскѣ, легко почувствовать оторванность отъ всего міра этого глухого уголка Сибири. Единственной связующей нитью съ внѣшнимъ міромъ была приходившая рѣдко почта, привозившая отъ графа Воронцова письма, книги и газеты, пересылаемыя имъ по просьбѣ писателя. Радищевъ и самъ пользовался каждымъ отправленіемъ почты, чтобы послать письмо своему другу-покровителю.

Радищевъ, какъ и въ былое время въ Лейпцигѣ, опять съ увлеченіемъ принялся за книги. Онъ выписываетъ черезъ гр. Воронцова историческія, политическія и философскія сочиненія; проситъ высылать ему французскіе, нѣмецкіе и англійскіе журналы; интересуется химіей и медициной. Этими



Видъ Илимска и дома, гдѣ жилъ А. Н. Радищевъ (домъ посрединѣ, обнесенный плетнемъ).

двумя науками онъ началъ заниматься еще въ Лейпцигѣ, видимо, тяготѣя къ естественно-историческому знанію, а теперь на досугѣ могъ совсѣмъ отдаться имъ. У себя въ домѣ онъ продѣлывалъ химическіе опыты. Въ домѣ у него была устроена плавильная печь; одно время онъ очень увлекался дѣланіемъ и обжиганіемъ горшковъ.

Въ своемъ воеводскомъ домѣ, стоявшемъ внутри острога, т. е. укрѣпленнаго, огороженнаго мѣста, Радищевъ устроился настоящимъ помѣщикомъ. Кромѣ пяти жилыхъ комнатъ было множество всяческихъ службъ: кухня, людская, сараи, погреба, кладовая, хлѣвъ, садъ, дворъ и даже большое мѣсто по берегу Илима съ двумя огородами.

Радищевъ завелъ у себя цѣлое хозяйство: у него было нѣсколько коровъ, пара лошадей, много всякой птицы.

Съ Радищевымъ пріѣхало нѣсколько человѣкъ его людей, выдѣленныхъ ему при женитьбѣ отцомъ изъ числа крѣпостныхъ-дворовыхъ. Узнавъ о предназначавшейся ему смертной казни, Радищевъ отпустилъ ихъ на волю, но они сами выразили желаніе сопровождать его въ ссылку. Съ ихъ помощью Радищевъ и устраивалъ въ Илимскѣ свое небольшое хозяйство.

Въ первый же годъ онъ занимался сооруженіемъ для себя дома, такъ какъ приготовленный для него воеводскій домъ былъ и малъ, и ветхъ. Для этой постройки иркутскій генералъ-губернаторъ прислалъ ему плотниковъ и столяра, выбранныхъ между ссыльными. Новый домъ былъ просторный: комнатъ было уже не пять, а восемь, и все большія и удобныя. Въ кабинетѣ было отведено мѣсто для

библіотеки, которая постепенно составилась изъ присылавшихся тюковъ книгъ отъ гр. Воронцова. При домѣ была сооружена баня.

Словомъ, Радищевъ съ внѣшней стороны устроился хорошо на новомъ мѣстѣ. Какъ ссыльнаго его почти никто не притѣснялъ и не отнималъ у него свободы. Наоборотъ, ему всюду оказывали почетъ, благодаря тому, что такого рода ссыльныхъ еще не бывало въ Сибири.

Туда обычно ссылали жестокихъ помѣщиковъ, любителей чужого добра, поддѣлывателей ассигнацій и векселей. Кромѣ того, Радищева всюду сопровождала слава смѣлаго писателя, напечатавшаго дерзновенную книгу, въ которой онъ критиковалъ сильныхъ міра. За Радищевымъ слѣдовали или даже предупреждали его появленіе письма гр. Воронцова къ генералъ-губернатору, къ губернаторамъ Сибири, къ самому Радищеву, и это покровительство знатнаго вельможи тоже, конечно, дѣлало свое дѣло.

Къ Радищеву прибѣгали даже за содѣйствіемъ. Священникъ, желавшій получить илимскій приходъ послѣ смерти мѣстнаго настоятеля церкви, упросилъ Радищева написать объ этомъ въ Иркутскъ архіерею, и просьба Радищева за священника была немедленно исполнена.

У Радищева въ Илимскѣ были книги, безъ которыхъ онъ нигдѣ не могъ существовать, онѣ нужны были ему, какъ хлѣбъ и воздухъ. У Радищева была здѣсь семья: онъ женился на Елизаветѣ Васильевнѣ, сестрѣ своей первой жены, и здѣсь родилось у него еще трое дѣтей. У него было, наконецъ, хозяйство, которое замѣняло ему службу и удовлетворяло естественную потребность въ работѣ. Но чего

совершенно не хватало ему, что нисколько не удовлетворяло его — это были люди, мѣстное общество. 500 жителей Илимска составлялись изъ поселенцевъ, туземцевъ и мелкихъ чиновниковъ съ уѣзднымъ исправникомъ во главѣ. Исправники въ ближайшемъ уѣздномъ городкѣ Киренскѣ мѣнялись при Радищевѣ, и послѣдній изъ нихъ за время пребыванія писателя въ Илимскѣ повелъ на Радищева наступленіе, напоминая ему, что онъ ссыльный, грозя расправиться съ нимъ и требуя отъ него подарковъ, а въ противномъ случаѣ обѣщая поступить съ нимъ, какъ ему вздумается. Притязанія исправника были устранены жалобой иркутскому губернатору.

Но точка зрѣнія этого исправника на Радищева держалась и у другихъ чиновниковъ: всѣ они мѣрили людей на свой аршинъ и были убѣждены, что Радищевъ сосланъ за взятки, что у него большія сбереженія, и часто назойливо приставали съ требованіями подарковъ.

Значительно интереснѣе этихъ «образованныхъ» людей были обжившіеся тутъ крестьяне и туземцы. Радищевъ внимательно присматривался къ нимъ, наблюдалъ ихъ бытъ, образъ жизни. Онъ и дѣтей своихъ научилъ уважать и понимать эту немного чуждую народную жизнь. Сынъ Радищева, побывавшій съ отцомъ въ Сибири, разсказываетъ много любопытнаго о жизни мѣстнаго народа. То, какъ подробно перечисляетъ онъ мелочи наряда мѣстной дѣвушки, какъ подробно описываетъ пляску, показываетъ интересъ и вниманіе къ народу, которые Радищевъ сумѣлъ передать и своимъ дѣтямъ.

Къ Илимску иногда прикочевывали полудикіе тунгусы, стоящіе и теперь на очень низкой ступени

культуры. Радищевъ посѣщалъ ихъ дымныя юрты изъ древесной коры, прикрѣпленной къ жердямъ и плотно обтянутой кожею.

Радищева очень интересовали ихъ религіозныя обряды, шаманство. Ихъ показали ему вечеромъ, посадивъ его на оленьи шкуры передъ зажженными въ лѣсу кострами. Старая шаманка надѣла на себя одежду, увѣшанную побрякушками, изображеніями животныхъ, сдѣланными изъ желѣза, взяла въ руки бубенъ и припѣвая говорила молитвы. Шаманка ни на минуту не умолкала, не садилась, все пѣла и плясала въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, пока не выбилась изъ силъ и не упала почти безъ чувствъ.

Жителямъ Илимска все это тоже внушало, какъ и тунгусамъ, какой-то священный трепетъ и въ простотѣ душевной они думали, что шаманка призываетъ нечистыхъ духовъ.

Тунгусы прониклись большимъ уваженіемъ къ Радищеву за его умѣнье лѣчить болѣзни, и извѣстность Радищева распространялась довольно далеко за предѣлами Илимска.

Вокругъ Радищева создавалось уваженіе и слава, пріобрѣтенная уже не покровительствомъ вельможи, а внутренними духовными качествами человѣка, его добротой и отзывчивостью. Такъ бываетъ всегда. Если въ душѣ человѣка горитъ огонекъ святой любви къ страдающему брату, если онъ всюду поспѣваетъ для исцѣленія и утѣшенія тѣхъ, кто въ этомъ нуждается, вокругъ него всегда создается атмосфера любви и уваженія. Огонекъ его души свѣтитъ другимъ, грѣетъ ихъ и свѣтлѣе и теплѣе становится людямъ на ихъ тяжеломъ жизненномъ пути.

Въ жизни далекаго городка пребыванiе Радищева оставило глубокiй слѣдъ. Его долго помнили въ окрестностяхъ Илимска; даже въ слѣдующемъ поколѣнiи были живы разсказы о необыкновенномъ ссыльномъ.

Край былъ обязанъ Радищеву тѣмъ, что послѣднимъ здѣсь впервые было введено оспопрививанiе. Въ Россiи это вообще была новинка, примѣненная впервые при Екатеринѣ II, и эту благодѣтельную новинку Радищевъ привезъ съ собою и въ Сибирь.

Въ воспоминанiяхъ одного сибиряка Прейна, уроженца Илимска, разсказано много любопытнаго о свѣтлой памяти, оставленной Радищевымъ на мѣстѣ своей ссылки. Домъ Прейна, дѣда автора воспоминанiй, стоялъ рядомъ съ домомъ Радищева, такъ что они были ближайшими сосѣдями, и въ семьѣ Прейновъ жило много разсказовъ о ссыльномъ писателѣ.

Авторъ передаетъ, между прочимъ, что Радищевъ научилъ медицинѣ своего слугу Степанушку, оставшагося въ Сибири и послѣ отѣзда Радищева въ Россiю. Степанушка на 300 верстъ вверхъ по Илиму былъ популярнѣйшимъ врачомъ отъ всѣхъ болѣзней. Авторъ помнитъ Степанушку въ 30—40-хъ годахъ XIX вѣка, т. е. лѣтъ черезъ 30 — 35 послѣ отъѣзда Радищева. По вскрытiи Илима отъ льда, Степанушка отправлялся вверхъ по рѣкѣ и въ августѣ мѣсяцѣ приплывалъ на плотахъ обратно. Онъ лѣчилъ травами, настойками и прививалъ оспу. Это была одна изъ искорокъ, зароненныхъ Радищевымъ въ Сибири.

Радищевъ показалъ себя новаторомъ не только въ дѣлѣ оспопрививанiя. Любопытно, что въ Томскѣ,

еще по пути въ Сибирь, Радищевъ пускалъ воздушный монгольфьеровъ шаръ, сдѣланный изъ тонкой бумаги — тоже изобрѣтеніе XVIII вѣка, еще невиданное въ Сибири.

Свои навыки и привычки культурнаго человѣка онъ передалъ другимъ, и тотъ же Степанушка, оставшійся жить въ домѣ Радищева послѣ его отъѣзда, былъ и въ этомъ отношеніи продолжателемъ Радищева.

День Радищева въ Илимскѣ складывался такъ: онъ вставалъ очень рано и утро посвящалъ писанію и чтенію. Писалъ онъ большой философскій трактатъ «о безсмертіи человѣка». Читалъ же философскія книги, нужныя для работъ, и текущіе журналы, которые получалъ изъ Россіи. Когда вставали дѣти, начинались ихъ уроки. Радищевъ каждый день занимался съ ними по исторіи, географіи и языкамъ.

Лѣтомъ онъ часто уходилъ съ ружьемъ въ лѣса и горы, окружающіе Илимскъ, или ѣздилъ вверхъ и внизъ по Илиму, а зимою — на саняхъ по окрестностямъ.

VIII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ.

Вѣсть объ освобожденіи.—Обратный путь.—Смерть Елизаветы Васильевны.—Казань, Волга, Нижній-Новгородъ.—Въѣздъ въ Нѣмцово.—Отношеніе къ крестьянамъ.—«Описаніе моего владѣнія».—Поѣздка въ Саратовъ.

6-го ноября 1796 года умерла Екатерина II. Вѣсть объ этомъ дошла до заброшеннаго на край свѣта Илимска только въ декабрѣ. Радищевъ сразу почувствовалъ возможную близость освобожденія. Елизавета Васильевна стала собираться въ Петербургъ, чтобы подать прошеніе новому императору о возвращеніи изъ Сибири ея мужа. Но Павелъ I самъ началъ свое царствованіе съ того, что сталъ отмѣнять все, предпринятое Екатериной II.

На другой же день, 7-го ноября, въ далекую Сибирь полетѣла бумага съ требованіемъ отъ иркутскаго губернатора свѣдѣній о Радищевѣ. Но не успѣлъ губернаторъ дать благопріятный отзывъ о томъ, что Радищевъ живетъ въ Илимскѣ «добропорядочно и скромно», не успѣлъ даже получить еще запроса, какъ состоялся высочайшій указъ объ

освобожденіи Радищева изъ Илимска съ тѣмъ, чтобы онъ поселился въ своей деревнѣ. Въ Иркутскъ была послана новая бумага съ сообщеніемъ объ этой высочайшей милости. Губернатору предписывалось объявить о ней Радищеву и «учинить немедленное исполненіе, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, гдѣ его деревни состоятъ и въ которой именно онъ назначитъ свое пребываніе».

Этотъ указъ дошелъ до Иркутска только въ серединѣ января 1797 года, и въ тотъ же день губернаторъ отправилъ нарочнаго въ Илимскъ съ извѣстіемъ о полученномъ указѣ.

Радищевъ выразилъ желаніе поселиться въ Нѣмцовѣ, калужской деревнѣ отца, которую тотъ предоставилъ въ его владѣніе.

Распродавъ и раздавъ всѣ вещи въ Илимскѣ, Радищевъ выѣхалъ оттуда въ концѣ февраля 1797 г. «при стеченіи всѣхъ почти илимскихъ жителей», которые пришли проводить писателя въ далекій путь. Исправникъ счелъ своимъ долгомъ пріѣхать изъ Киренска.

Прямой дорогой, черезъ Верхоленскъ, Братскій Острогъ, Томскъ, Тобольскъ, Тюмень, ѣхалъ Радищевъ обратно въ Россію, со всей семьей и въ сопровожденіи «надежнаго человѣка».

Пять лѣтъ, проведенныхъ въ Сибири, въ условіяхъ тяжелыхъ для культурнаго и общительнаго человѣка, все-таки не пропали даромъ. Радищевъ возвращался въ Россію съ цѣлымъ рядомъ произведеній, написанныхъ въ Сибири, съ огромными познаніями въ области естественныхъ наукъ, которыя онъ пріобрѣлъ изъ книгъ въ Илимскѣ. Въ Сибири какъ будто бы продолжались годы его ученія, начав-

шагося въ Лейпцигѣ. Это давало, конечно, удовлетвореніе и нѣкоторый смыслъ въ жизни, но Радищева страшно тяготила невозможность оставить Илимскъ и переѣхать въ другое мѣсто.

Поэтому отъѣздъ и дорога совершались въ радостномъ нетерпѣніи, и, какъ тогда, въ юношескіе годы, его манило розовое будущее, такъ теперь на закатѣ жизни его гнало нетерпѣніе очутиться на свободной землѣ. Но по дорогѣ въ Нѣмцово Радищева ждалъ еще новый ударъ. Въ селѣ Покровскомъ Елизавета Васильевна почувствовала себя плохо. Цѣлый день простояли на мѣстѣ; но такъ какъ лѣкаря поблизости не было, а лѣкарства Радищева немного подбодрили Елизавету Васильевну, то поѣхали дальше. Черезъ три дня въ Тарѣ больная расхворалась сильнѣе; къ ней приглашали мѣстнаго военнаго врача. Пришлось простоять здѣсь цѣлыхъ двѣ недѣли. Ничто не помогало. Лѣкарь призналъ положеніе безнадежнымъ, и Елизавета Васильевна пожелала исповѣдаться и причаститься. Въ тотъ же день ее соборовали масломъ. Но у Радищева жила надежда на тобольскихъ врачей. До города оставалось около 500 верстъ, и онъ повезъ умирающую туда, нигдѣ не останавливаясь, въ 4 дня доѣхавъ до Тобольска, дѣлая по 100 и болѣе верстъ въ сутки. Даже вербное воскресенье пришлось провести въ дорогѣ. 1-го апрѣля на разсвѣтѣ пріѣхали въ Тобольскъ, гдѣ заранѣе высланные люди приготовили квартиру. Но несмотря на всѣ мѣры, принятыя Радищевымъ, Елизавета Васильевна умерла черезъ недѣлю, на второй день Пасхи. На Тобольскомъ кладбищѣ онъ похоронилъ свою вторую жену и, пробывъ еще дней десять въ городѣ, выѣхалъ въ Россію съ

осиротѣвшими дѣтьми, изъ которыхъ самому младшему—сыну—было всего полгода, а слѣдующей—дѣвочкѣ—полтора.

Медленно ѣхали большой дорогой до Камы, благополучно спустились по Камѣ до Лаишева, встрѣчая по дорогѣ запоздавшую весну: лѣсъ только въ серединѣ мая одѣвался зеленью, къ рѣкѣ по склону сбѣгали уже довольно высокія озими, по вечерамъ слышно было пѣніе соловья.

Въ своемъ дневникѣ путешествія изъ Сибири Радищевъ отмѣчаетъ, что мимо устья рѣки Бѣлой проѣхали благополучно: на Камѣ тогда сильно разбойничали и грабили. Немного дальше Радищевъ записалъ «Повѣсть о разбойникѣ Иванѣ Ѳаддеевѣ», бѣгломъ солдатѣ изъ дьячковъ, разбойничавшемъ по Камѣ и Волгѣ, убивавшемъ жестокихъ помѣщиковъ и прославившемся ловкими продѣлками, благодаря которымъ онъ избѣгалъ поймки.

Нѣсколько дней Радищевъ пробылъ въ Казани. Здѣсь впервые онъ чувствуетъ близость Россіи. Большой городъ съ культурными запросами и интересами радостно привѣтствуетъ его. Радищевъ въ восхищеніи ходитъ по городу, находитъ книжную лавку, имѣетъ свѣжія газеты.

Въ честь писателя даютъ обѣды, приглашаютъ его на собранія. Онъ много разъѣзжаетъ и по окрестностямъ Казани.

Единственное, что тяготитъ Радищева, это отсутствіе въ Казани кого-либо изъ родныхъ. Онъ чувствуетъ себя опять одинокимъ, и горько сознавать ему, что, находясь такъ близко отъ Кузнецкаго уѣзда, отъ отца и матери, онъ не смѣетъ

свернуть съ дороги и долженъ ѣхать опять подневольный, какъ въ ссылку.

Потомъ оказалось, что въ Казани его очень долго ждалъ дворовый отца, но не дождался и вернулся обратно въ саратовскія помѣстья.

По Волгѣ изъ Казани ѣхали вверхъ мимо великолѣпныхъ горныхъ пейзажей самой красивой части этой рѣки между Казанью и Нижнимъ-Новгородомъ. Ѣхали на баркахъ подъ рогожными парусами. Когда не было попутнаго вѣтра, шли бичевою. Останавливались у береговъ, взбирались на горы, откуда открывались виды еще лучше, чѣмъ снизу, съ громадными горизонтами, открывавшими глазамъ обширнѣйшій коверъ полей на неровной поверхности холмовъ и скатовъ. Въ дневникѣ Радищева торопливою рукою путника зарисовано нѣсколько такихъ пейзажей.

Вотъ одинъ изъ нихъ: «Сзади гора круто опускается, и внизу въ лощинѣ сидитъ большая деревня. Вокругъ видны обработанныя поля, ихъ громадный коверъ волнуется отъ вѣтра, какъ море, своей высокой бархатной зеленью. Недалеко отъ края кругозора онъ опоясанъ дубовыми рощами. Въ сторонѣ рѣки видны излучины высокаго волжскаго берега съ идущими въ даль одинъ передъ другимъ мысами, пропадающими въ нѣжной синевѣ, въ которой всѣ предметы сливались воедино. Прямо за Волгой—низкій берегъ, покрытый густымъ лѣсомъ, среди котораго разбросаны небольшія деревушки. Межъ прибрежныхъ кустовъ разлилась еще весенняя вода. Еще ближе видно песчаное прибережье, на которомъ суетятся группы рыбаковъ, вытягивающихъ невода. По правую сторону видны изви-

вающіеся протоки рѣки Казанки, близъ которыхъ на холмѣ, высовываясь изъ округленныхъ вершинъ деревьевъ, возвышаются главы церквей Зилантова Монастыря. Еще дальше видна Казань: бѣлая стѣна Кремля съ бойницами. Передъ нею и сзади возвышаются храмы, посвященные молитвѣ. Значительно дальше и правѣе виденъ архіерейскій домъ, какъ бѣлое пятно за зеленой завѣсой.

Въ устьѣ Казанки и на Волгѣ стоятъ и плывутъ большія барки съ лѣсомъ, росшивы и коломенки, которыя, отражая солнечные лучи, кажутся сверкающими полушаріями.

Край этой части картины—волнистая зелено-голубая линія, пересѣченная Волгою, въ видѣ зеркальнаго отверстія.

Глазъ, блуждая въ отдаленіяхъ этой картины и опускаясь почти отвѣсно, останавливается на селеніи Услонь, на стоящихъ вдоль его берега судахъ и на ступенькахъ и утесахъ той горы, на которой мы стоимъ. Работники у барокъ кажутся намъ пигмеями, и только явственно слышенъ шумъ толпы, скопившейся передъ домомъ радости и плача, передъ кабакомъ».

На Волгѣ путешественники выдержали бурю и грозу: шли мимо разбойничьихъ мѣстъ за Козьмодемьянскомъ. У самаго Макарія, передъ Нижнимъ, повстрѣчали, какъ непріятное напоминаніе давнишнихъ страданій, пьянаго офицера, который сопровождалъ Радищева въ Сибирь изъ Перми до Тобольска.

Въ Нижнемъ еще одно напомнило о пережитомъ. Въ своемъ дневникѣ подъ 30 іюня Радищевъ записалъ: «воспоминовеніе взятія моего подъ стражу».

Нижній-Новгородъ радушно встрѣтилъ Радищева. Здѣсь было много знакомыхъ. Здѣсь ждалъ его братъ изъ Архангельска, вышедшій уже въ отставку и выѣхавшій навстрѣчу Радищеву. Писателя наперерывъ угощаютъ обѣдами купцы и чиновники, возятъ осматривать городъ и фабрики, и онъ записалъ въ дневникѣ, что почувствовалъ себя здѣсь «рѣдкой птицей».

По дорогѣ въ Москву Радищевъ съ братомъ заѣзжалъ къ своему старому другу и покровителю гр. А. Воронцову, тоже уже въ отставкѣ, вызванной покровительствомъ такому важному преступнику, какъ Радищевъ.

Въ іюлѣ Радищевъ былъ уже въ Москвѣ. Четыре дня, проведенныхъ здѣсь у дальнихъ родственниковъ, окрашены опять той же тоской по близкимъ людямъ. Ее не можетъ заглушить даже возвращеніе въ родныя мѣста, даже первыя впечатлѣнія отъ Нѣмцова. Сердце его рвется теперь къ старшимъ сыновьямъ, которые оставались въ Россіи для полученія образованія. Въ послѣднее время они жили въ Кіевѣ, гдѣ числились на военной службѣ. Радищевъ вызвалъ ихъ къ себѣ въ Нѣмцово.

Село, къ которому подъѣзжалъ теперь Радищевъ, лежало всего въ двухъ верстахъ отъ Малоярославца, бывшаго окружнаго города.

Сразу же за Малоярославцемъ передъ Радищевымъ открылось «пространное поле», покрытое желтѣющей рожью. Радищевъ попалъ въ свою деревню передъ началомъ жатвы.

У двухъ расходящихся дорогъ начиналась граница его владѣній. Дорога спускалась дальше по пригорку, а за маленькой рѣчкой виднѣлся большой яблоневый садъ, огороженный плетнемъ, за нимъ

высокая роща, нѣсколько хижинъ, покрытыхъ соломою, между которыми видны были развалины каменнаго дома. По правую сторону отъ дороги находилась деревня изъ 36 дворовъ, а прямо противъ двора, при въѣздѣ, Радищеву бросились въ глаза три березы, «современницы дѣтства», и въ душѣ родилась мысль о «беззаботливомъ началѣ житія человѣческаго и нерѣдко горестномъ его окончаніи».

По пріѣздѣ въ Нѣмцово для сближенія съ крестьянами Радищевъ устроилъ для нихъ праздникъ по случаю своего возвращенія. Онъ велѣлъ сварить брагу, купилъ нѣсколько ведеръ вина и въ воскресный день созвалъ крестьянъ и крестьянокъ на господскій дворъ. Ихъ потчевали виномъ и пивомъ, подавали пироги. Крестьяне поздравляли его съ пріѣздомъ, а женщины составили кружокъ и плясали подъ пѣсни, прихлопывая въ ладоши. Въ пѣсняхъ славили поименно самого Радищева и его дѣтей.

Радищевъ и самъ заходилъ въ гости къ своимъ крестьянамъ, держалъ себя съ ними просто, не брезгалъ ихъ угощеніемъ.

Очутившись лицомъ къ лицу съ крестьянской жизнью, онъ долженъ былъ воочію убѣдиться въ томъ, что примѣры, приведенные имъ въ «Путешествіи», были далеко не единичными случаями, и ему для самого себя приходилось вырабатывать мѣры, какими можно было бы поднять благосостояніе крестьянъ и облегчить ихъ долю. Среди своихъ знакомыхъ, напримѣръ, ему пришлось столкнуться съ крайне возмутительными явленіями. Нѣкто Зубовъ славился своей жестокостью по отношенію къ крѣпостнымъ. Купивъ село съ 250 душами, онъ прежде всего обобралъ у мужиковъ, живших съ до-

статкомъ, весь хлѣбъ, скотъ, лошадей и посадилъ ихъ на «мѣсячину», а въ рабочую пору кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ. Въ большія корыта имъ наливали щи, и они должны были довольствоваться тѣмъ, что имъ отпускали. За малѣйшую вину крестьянъ наказывали строго, а за большую вину сажали въ спеціально устроенный въ отдаленной деревнѣ острогъ. Разсказывали, что одного приказчика продержали тамъ цѣлый годъ. Но Зубовъ былъ человѣкъ богатый, и за богатство его уважали; только Радищевъ презиралъ его и никогда не удостаивалъ ни однимъ словомъ.

Радищевъ составилъ въ Нѣмцовѣ «Описаніе моего владѣнія», трудъ, въ которомъ онъ опять коснулся тѣхъ же вопросовъ, что и въ «Путешествіи».

Разсматривая отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, ихъ взаимныя права и обязанности, Радищевъ, какъ и въ «Путешествіи», съ болью въ сердцѣ останавливается передъ правомъ помѣщика «продавать крестьянъ оптомъ и въ розницу» и добавляетъ, что не въ шутку такъ говоритъ, потому что «розница» эта можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и жена отъ мужа продаются отдѣльно».

Радищевъ подымаетъ въ «Описаніи моего владѣнія» общіе вопросы, касающіеся положенія крестьянъ. Онъ протестуетъ противъ безграничности наваливаемой на нихъ работы, вспоминаетъ о трудѣ крестьянъ по воскресеньямъ, противъ чего онъ протестовалъ въ «Путешествіи»;—теперь это запрещено, но Радищевъ боится, что едва-ли эта мѣра поможетъ въ борьбѣ съ эксплуатаціей крестьянъ.

Радищевъ, наконецъ, протестуетъ противъ личной зависимости крестьянъ отъ произвола помѣ-

щиковъ, противъ права наказывать крестьянъ по своему усмотрѣнію.

Это были такія же опредѣленныя требованія, предъявленныя Радищевымъ къ жизни, какія онъ выставилъ въ «Путешествіи»; онъ самъ руководился ими и пытался воздѣйствовать своими протестами на другихъ. Еще семь лѣтъ назадъ, на допросѣ по дѣлу о «Путешествіи», Радищевъ говорилъ, что «думалъ устыдить тѣхъ, которые съ крестьянами поступаютъ жестокосердно».

И теперь, думая о томъ же, онъ осуществлялъ попытку проводить въ жизнь тѣ гуманныя идеи, которыя онъ исповѣдывалъ.

Для полноты жизни Радищеву не хватало близости родныхъ—отца и матери. Въ Нѣмцовѣ Радищевъ жилъ попрежнему подъ надзоромъ и никуда не могъ выѣхать. Чтобы получить разрѣшеніе ѣздить въ Саратовскую губернію къ отцу, ему пришлось подавать прошеніе императору, но Радищеву разрѣшили только одинъ разъ поѣхать туда.

Въ началѣ 1798 г., зимою, Радищевъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и со всей семьей своей отправился въ путь.

Онъ нашелъ своего отца слѣпымъ,—мать больною, разбитою параличомъ. Отецъ велъ жизнь отшельника, проводилъ время въ молитвѣ или въ обществѣ какого-нибудь монаха; жилъ на пчельникѣ, а потомъ переѣхалъ въ Саровскую пустынь, но не ужился съ монахами, вмѣшиваясь, несмотря на свои годы, въ хозяйственныя дѣла, отчего предпочелъ вернуться опять на свой пчельникъ.

Прогостивъ у отца, черезъ годъ Радищевъ вернулся въ Нѣмцово.

IX.

СНОВА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. СМЕРТЬ.

Начало царствованія Александра I.—Радищевъ въ законодательной комиссіи.—Мнѣніе Радищева о цѣнѣ человѣка.—Столкновенія въ комиссіи и путевыя затрудненія.—Мысли о самоубійствѣ.—Смерть.—Два стихотворенія памяти Радищева.

Полное освобожденіе отъ всѣхъ послѣдствій суда и приговора Радищевъ получилъ лишь со смертью Павла I. На третій день по вступленіи на престолъ Александра I былъ изданъ манифестъ, по которому освобождались отъ наказаній всѣ, кто былъ обвиненъ по дѣламъ, производившимся въ тайной канцеляріи. Застѣнокъ Шешковскаго былъ наконецъ уничтоженъ.

Радищеву были возвращены гражданскія права и даже орденъ его, отнятый по приговору.

Больше того, онъ былъ привлеченъ Александромъ I къ участію въ трудахъ комиссіи по составленію законовъ.

Европейски образованный писатель, прекрасно знакомый съ юридическими науками, умный и честный, онъ былъ чрезвычайно нуженъ для отвѣтственной и сложной работы по выработкѣ законовъ.

Комиссія работала давно. Она нѣсколько разъ на протяженіе десятилѣтій мѣняла свое названіе. Каждый присутственный день засѣдали и трудились люди. Но работа мало двигалась съ мѣста, потому что въ составѣ комиссіи почти не было пригодныхъ для этой работы людей. На Радищева возлагали большія надежды.

Начинавшій тогда свою государственную дѣятельность Сперанскій писалъ, что «Радищевъ можетъ съ совершеннымъ успѣхомъ составить исторію законовъ—твореніе необходимое, въ коемъ, по дарованіямъ его и свѣдѣніямъ, онъ можетъ много пролить свѣту на тьму, насъ облежащую».

Вотъ поэтому-то бодрое и молодое начало XIX вѣка обратилось къ утомленному жизнью передовому борцу екатерининской эпохи. Онъ больше другихъ подходилъ къ этой роли свѣточа, которую признавалъ за нимъ Сперанскій. По его мысли Радищеву нужно было особенно заняться вопросомъ, какъ обычай закрѣпощать крестьянъ превратился въ право, и еще—каково было положеніе крестьянъ въ разныя эпохи жизни Россіи.

Назначеніе Радищева въ комиссію немного устраивало его и съ матеріальной стороны. Въ Нѣмцовѣ онъ все время испытывалъ денежныя затрудненія, и жалованіе въ 1500 рублей было для него не лишнимъ. Онъ поселился опять въ Петербургѣ.

Эти годы могли доставить Радищеву много удовлетворенія и радости.

«Дней александровыхъ прекрасное начало» вселяло въ него увѣренность въ близкое осуществленіе его завѣтныхъ мечтаній. Многое сбывалось наяву, многое казалось близкимъ. Въ своемъ стихотвореніи

«Осьмнадцатое столѣтіе» Радищевъ воспѣлъ новый нарождающійся вѣкъ. Онъ привѣтствовалъ его за то, что «свѣтъ дня уже гонитъ ночи угрюмую тьму»,

«Миръ, судъ правды, истина, вольность
льются отъ трона»,

говорилъ онъ о новомъ царствованіи, называя Александра I хранителемъ Россіи.

У Радищева въ кабинетѣ висѣлъ портретъ Александра I, на которомъ писатель собственноручно сдѣлалъ восторженную надпись. Эту восторженность Радищева раздѣляло все передовое общество начала XIX в. Послѣ тяжелаго царствованія Павла I, новое правленіе казалось свѣтлой зарей, возвѣщающей радостный день.

Но Радищевъ вернулся къ кипучей и дѣятельной жизни съ надорванными силами. Правда, онъ попрежнему не боится говорить противъ всѣхъ и попрежнему, опережая свой вѣкъ, остается часто въ меньшинствѣ при разборѣ какого-нибудь вопроса. Такъ, когда комиссія разсматривала одно уголовное дѣло, и поднятъ былъ общій вопросъ о взысканіи за неумышленное убійство помѣщичьихъ крестьянъ, Радищевъ высказалъ особое мнѣніе, шедшее вразрѣзъ съ мнѣніемъ другихъ. Члены комиссіи установили денежныя суммы, которыми вознаграждался помѣщикъ, если кто-либо нечаянно убивалъ его крѣпостного: 360 рублей за рекрута, 100 руб. за крестьянку, а за дворового, пріученнаго къ искусствамъ, и ремесламъ—по соглашенію.

Одинъ Радищевъ посмотрѣлъ на этотъ вопросъ съ человѣческой точки зрѣнія и въ защиту человѣка—крѣпостного, крестьянки, дворового,—въ за-

щиту поруганныхъ правъ ихъ онъ возвысилъ свой голосъ:

«Какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя,—говорилъ онъ,—какой процентъ, еслибы несчастіе постигло, и былъ бы убитъ тотъ, который заботился о своемъ господинѣ въ его дѣтствѣ, отрочествѣ и юности. Какая цѣна ему или той, которая вскормила господина своею грудью и стала второй его матерью.

Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикамъ за убитыхъ имъ принадлежащихъ людей: цѣна крови человѣческой не можетъ быть опредѣлена деньгами».

Мысли Радищева не встрѣчали сочувствія въ предсѣдателѣ комиссіи составленія законовъ, гр. Завадовскомъ, который удивлялся молодости сѣдинъ писателя. Завадовскій обмолвился даже одинъ разъ угрозой:

— Эхъ, Александръ Николаевичъ,—сказалъ онъ,—охота тебѣ пустословить попрежнему! Или мало тебѣ было Сибири?

Этотъ намекъ и угроза взволновали Радищева. Опять острыми углами сцѣпились жизненныя противорѣчія. Онъ сталъ молчаливъ и угрюмъ. Нездоровье его только увеличивало новую душевную тревогу. Денежныя затрудненія и долги еще больше отравляли жизнь. Радищевъ не выдержалъ.

Онъ вспомнилъ, какъ другъ его Ушаковъ, умирая въ страшныхъ мученіяхъ, просилъ яду, чтобы прервать свою жизнь. Тогда Радищевъ отказался исполнить эту просьбу, но впослѣдствіи, точно предчувствуя возможность такого конца для себя, писалъ

Кутузову: «не убійца тотъ, кто избавляетъ страдающаго отъ его мученій. Если ты услышишь стоны твоего друга, если будетъ ему предстоять неизбѣжная гибель, и я призову тебя на спасеніе мое, не медли, другъ мой, ты кончишь мою несносную жизнь и дашь отраду возненавидѣвшему все». Еще разъ въ «Путешествіи» Радищевъ коснулся этого вопроса, точно предвидѣлъ ожидающую его смерть.

«Если ненавистное счастье,—писалъ онъ,—истощитъ надъ тобою стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если ты будешь доведенъ до крайности, не будетъ тебѣ защиты отъ угнетенія, тогда вспомни, что ты человѣкъ, вспомни величіе твое, похить вѣнецъ блаженства, которое у тебя хотятъ отнять... умри!»

Послѣ всѣхъ жизненныхъ неудачъ и столкновеній въ комиссіи Радищевъ чувствовалъ себя какъ разъ «доведеннымъ до крайности». У него усилились припадки меланхоліи, безотчетной тоски. Однажды онъ спросилъ у дѣтей:

— Что, дѣтушки, если меня опять сошлютъ въ Сибирь?

Онъ приглашалъ врача, лѣчился, но душевное безпокойство не проходило.

Утромъ 11 сентября 1802 года онъ покончилъ съ собой, отравившись крѣпкой водкой.

Александръ I, узнавъ объ этомъ, прислалъ своего врача, но Радищева не спасли.

Его похоронили гдѣ-то на старомъ Волковомъ кладбищѣ; могила теперь затерялась среди другихъ безвѣстныхъ и менѣе славныхъ могилъ.

Поэтъ Пнинъ, горячій почитатель Радищева, написалъ на его смерть стихи:

Итакъ, Радищева не стало!
Мой другъ, уже во гробѣ онъ!
То сердце, что добромъ дышало,
Постигъ ничтожества законъ;
Уста, что истину вѣщали,
Увы, навѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ.
Кто къ счастью велъ путемъ свободы
Навѣкъ, навѣкъ оставилъ насъ!..

Другой поэтъ Борнъ написалъ некрологъ Радищева въ стихахъ и прозѣ. Въ стихотвореніи своемъ онъ называлъ блаженнымъ того,

Кто въ пламенной душѣ объемлетъ
Весь міръ и роды всѣ людей;
Кто добродѣтель лишь пріемлетъ
Отличіемъ земныхъ властей.
Кто, силы не страшася ложной,
Дерзаетъ истину вѣщать,
Тревожитъ спящій духъ вельможный
И черство сердце раздираетъ!—
Но участь правды быть гонимой,

добавляетъ Борнъ:

И у насъ
Имѣетъ, правда, добродѣтель
Своихъ страдальцевъ...
...въ ссылкѣ тамъ
Пьютъ патріоты смерти чашу.

Въ прозаической части некролога Борнъ указываетъ на свѣтлыя стороны личности Радищева, «умъ его просвѣщалъ, а добродушіе утѣшало всѣхъ: помогало всѣмъ».

«Истинно великій человѣкъ—вездѣ на своемъ мѣстѣ. Во всякомъ кругу дѣйствій, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ, творитъ онъ возможное благо».

«Онъ любилъ истину и добродѣтель. Пламенное его человѣколюбіе жаждало озарить всѣхъ собратій этимъ немерцающимъ лучомъ вѣчности, жаждало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ. Онъ видѣлъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ притѣсненіи — и сошелъ во гробъ».

Такъ оцѣнили современники этого предтечу грядущаго освобожденія, поднявшаго борьбу за раскрѣпощеніе крестьянъ и за свободу человѣка вообще.

IX.

ОТНОШЕНІЕ ПОТОМСТВА КЪ РАДИЩЕВУ.

Послѣ смерти.— Рукописныя копіи.—Кружокъ почитателей Радищева.—Декабристы.—Пушкинъ и Радищевъ. — Цензурныя гоненія.—Память о Радищевѣ.

Съ насильственной смертью Радищева не кончились его мытарства. Борьба съ его книгой не кончилась запрещеніемъ и уничтоженіемъ ея послѣ суда надъ писателемъ.

Цѣлое столѣтіе послѣ смерти Радищева съ его именемъ и книгой продолжалась борьба тѣхъ, кто, какъ Екатерина II, чувствовалъ себя глубоко задѣтымъ и тяжко обвиненнымъ дерзновенной книгой. Нечего говорить что до освобожденія крестьянъ, т. е. до 60-хъ годовъ, «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» казалось еще очень опаснымъ призывомъ ко второй пугачевщинѣ.

Неудивительно поэтому, что о «Путешествіи» въ эти годы нѣтъ и помину. Когда сыновья писателя захотѣли издать оставшіяся послѣ него сочиненія, имъ нельзя было даже упомянуть, даже только указать, что кромѣ печатаемыхъ ими, Радищевымъ

написано знаменитое «Путешествіе», запрещенное и сожженное.

Но правъ былъ Пушкинъ, сказавъ: «Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ».

Во всѣ эти годы, когда нельзя было даже упоминать въ печати имя запретной книги, ее переписывали во всѣхъ концахъ Россіи съ тѣхъ очень немногихъ экземпляровъ, какіе уцѣлѣли случайно.

Въ различныхъ библіотекахъ и у частныхъ лицъ до сихъ поръ сохранилось множество этихъ рукописныхъ копій, свидѣтельствующихъ, что интересъ къ «Путешествію» былъ всегда большой. И мы можемъ понять ту радость, какая охватила писателя, когда онъ, возвращаясь изъ ссылки въ Россію въ далекомъ Кунгурѣ, на границѣ Азіи, у кого-то увидѣлъ рукописную копію съ «Путешествія».

Это было семь лѣтъ спустя послѣ изданія книги, и по этому примѣру, который могъ быть и случайнымъ, мы видимъ, въ какія дебри все-таки забредала вольнодумная книга. Такое широкое и большое по количеству распространеніе книги было, конечно, чрезвычайно отраднымъ явленіемъ. Значитъ, мысли и идеалы, вложенные въ эту книгу, не умерли вмѣстѣ съ сожженіемъ ея и вмѣстѣ со смертью писателя.

Они продолжали жить и вліять на читателей и общество въ духѣ тѣхъ же гуманныхъ принциповъ, какими руководствовался Радищевъ. Значитъ, страданія писателя, его заключеніе и ссылка, его разбитая жизнь и преждевременная смерть были небезплодными страданіями. Они придали его книгѣ еще большую силу, большій интересъ; они внушали читателю мысль, что человѣкъ, такъ много выстра-

давшій за свои убѣжденія, былъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Это заставляло читателя лучше вдумываться въ книгу, лучше понимать ее и больше вѣрить писателю.

Радищевъ поэтому сталъ какимъ-то символомъ всего свободнаго.

Его книгу читали и изучали тѣ, кто явился въ ближайшіе годы продолжателемъ протеста и борьбы за освобожденіе.

Такъ въ Петербургѣ маленькій кружокъ молодежи сталъ носителемъ идей Радищева. Это было «Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ». Въ числѣ членовъ этого дружескаго кружка входили два поэта, написавшіе стихи, посвященные памяти Радищева — Иванъ Борнъ и Иванъ Пнинъ.

Память Радищева для всего кружка была священной. Живымъ звеномъ, соединявшимъ членовъ съ покойнымъ писателемъ, были два сына его В. и Н. Радищевы, авторы стиховъ, басенъ и поэмъ.

Идеалы Радищева, свободная и смѣлая книга его для всѣхъ членовъ общества были той школой, въ которой развивались и росли ихъ гражданскія убѣжденія. Пнинъ обнаружилъ себя такимъ же вѣрнымъ пѣвцомъ свободы, какимъ былъ Радищевъ. Пнинъ сталъ главою кружка, какъ другъ и наиболѣе близкій выразитель идей покойнаго писателя.

Принимая мысль Радищева, что «бѣдствія человѣческія происходятъ отъ самого человѣка», друзья, входившіе въ составъ «Вольнаго Общества», обращались къ людямъ съ призывами освободиться отъ всяческихъ оковъ, гнетущихъ человѣка.

Они обрушивались всей силой своего негодованія на всѣхъ виновниковъ людскихъ страданій и среди

послѣднихъ, какъ и у Радищева, у нихъ часто называется «тиранъ» самодержавный властитель, считающій непреложнымъ закономъ одну только свою волю.

Друзья предвидятъ то время, когда

златые троны
Повержены судьбой;
Тирановъ скипетръ и короны
Не примирятъ ихъ [людей] съ долей злой,
Демитрій*), стражей окруженный,
Неронъ, въ палатахъ золотыхъ,
Падутъ отъ черни рязъяренной
И гибнутъ отъ дѣяній злыхъ.

Но у ближайшихъ къ Радищеву поколѣній не могла забыться трагическая судьба его. И поэты изъ «Вольнаго общества» понимаютъ, что грядущее освобожденіе будетъ куплено цѣною огромныхъ жертвъ.

Они воспѣваютъ смѣлыхъ борцовъ, пострадавшихъ за правду. Ихъ любимый герой, какъ и у Радищева,—мученикъ за истину Сократъ.

Такъ продолжали свою жизнь и развитіе сѣмена, брошенныя Радищевымъ. Ни кары, ни запрещеніе книги не оттолкнули отъ писателя искреннихъ друзей свободы.

Въ первой четверти XIX вѣка интересъ къ книгѣ Радищева не ослабѣлъ. Ее переписываютъ и хранятъ для себя, для будущихъ поколѣній сотни почитателей. По ней учится жить и мыслить множество молодыхъ людей, среди которыхъ мы прежде

*) Димитрій Самозванецъ, какъ символъ своевольнаго и преслѣдующаго личныя цѣли властителя. Неронъ—символъ жестокаго тирана.

всего видимъ декабристовъ, такихъ же страстныхъ, какъ и Радищевъ, борцовъ за освобожденіе Россіи отъ гнета.

17-лѣтнимъ юношей будущій декабристъ Николай Тургеневъ прочелъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» и въ дневникѣ, который онъ тщательно велъ, записалъ свои мысли о вельможахъ, самовластныхъ и эгоистичныхъ. Эти мысли навѣяны были чтеніемъ книги Радищева, о которой онъ и упоминаетъ въ дневникѣ. Николай Тургеневъ перечиталъ всѣхъ тѣхъ писателей, которыми увлекался въ лейпцигскіе годы Радищевъ. Было что-то общее въ судьбѣ обоихъ. Оба—воспитанники заграничнаго университета, оба привезли съ чужбины тотъ «пылъ юности», о которомъ говорилъ Радищевъ и не только «пылъ» и мечты, но и широкіе планы улучшенія жизни. Мысль объ освобожденіи крестьянъ для Николая Тургенева была самою завѣтною мечтою, и онъ, какъ Радищевъ, написалъ дерзновенную книгу «Россія и русскіе». За участіе въ тайномъ обществѣ декабристовъ Тургеневъ заочно былъ приговоренъ къ смертной казни и заочно же помилованъ и обреченъ на вѣчное изгнаніе въ Сибирь.

Вообще выработкѣ гражданскихъ убѣжденій декабристовъ много способствовали тѣ книги, которыми они зачитывались въ юности; на допросѣ по ихъ дѣлу многіе изъ нихъ называли имена Монтескье, Рейналя, Руссо, Мабли, Гельвеція и др. писателей просвѣтительной литературы. Нѣкоторые декабристы среди этихъ именъ называютъ и русскія имена вольнолюбивыхъ писателей, а среди нихъ Радищева. «Теперь трудно упомнить все то, что читалъ и какое сочиненіе наиболѣе способствовало

развитію либеральныхъ понятій, показывалъ на слѣдствіи одинъ изъ декабристовъ (баронъ В. И. Штейнгель): — довольно сказать, что 27 лѣтъ я упражнялся и упражняюсь въ безпрестанномъ чтеніи. Я читалъ Княжнина «Вадима»*), даже печатный экземпляръ Радищева «Поѣздку въ Москву». Другой декабристъ, Петръ Бестужевъ, заявлялъ, что на него больше всего оказали вліянія различные рукописные листки и книги; онъ называетъ «Оду Вольность» и «Деревню» Пушкина, «Путешествіе» Радищева и др. Словомъ, въ первую же четверть вѣка послѣ смерти писателя книга его глубоко внѣдрилась въ сознаніе нѣкоторыхъ послѣдователей, передовыхъ людей, сторонниковъ освобожденія Россіи, враговъ крѣпостного уклада жизни.

Но широкая публика недостаточно знала этого вольнодумнаго писателя екатерининскаго времени. Попытка сыновей воскресить имя отца изданіемъ его сочиненій оказалась неудачной: «Путешествіе» издать было невозможно — въ собраніе сочиненій вошли менѣе интересныя, отрывочныя и неоконченныя произведенія.

Другую попытку оживить имя Радищева предпринялъ Пушкинъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Александръ Радищевъ».

Нашъ великій поэтъ еще съ юношескихъ годовъ внимательно присматривался къ Радищеву. Въ произведеніяхъ молодого Пушкина часто звучали тѣ мотивы, которые были такъ характерны для Радищева. Подъ вліяніемъ Радищевской оды, вставлен-

*) Драматическое произведеніе, которое постигла участь радищевскаго «Путешествія» за слишкомъ свободныя мысли о царяхъ.

ной въ одну изъ главъ «Путешествія», Пушкинъ пишетъ свою оду «Вольность», въ которой во многихъ мѣстахъ довольно близко повторяетъ мысли Радищева:

Увы, куда ни брошу взоръ,—
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы;
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Вездѣ неволи грозный геній
И къ славѣ роковая страсть.
Лишь тамъ, надъ царскою главой,
Не слышится людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами,
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ,
Гдѣ преступленье высока
Сражаетъ праведныхъ размахомъ,
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни къ злату алчностью, ни страхомъ!
Владыки! Вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа;
Стоите выше вы народа,—
Но вѣчный выше васъ законъ.

Рѣзкія нападки на царей, воспѣваніе свободы повлекли за собою ссылку Пушкина на югъ.

Еще немного раньше Пушкинъ написалъ небольшую поэму «Бова», очевидно тоже не безъ вліянія Радищева, у котораго подъ такимъ заглавіемъ была большая поэма въ 12 пѣсняхъ. Въ началѣ «Бовы» Пушкинъ выражаетъ нѣкоторую боязнь, сравняется ли онъ съ Радищевымъ.

Вспоминая Радищева и въ стихахъ, и въ прозѣ, и въ письмахъ, Пушкинъ, подводя итоги своей литературной дѣятельности, самъ признавалъ себя идейнымъ потомкомъ писателя XVIII в. и утверждалъ, что въ своихъ стихахъ онъ возславилъ свободу вослѣдъ Радищеву.

Для большой статьи о Радищевѣ Пушкинъ тщательно собиралъ матеріалы и написалъ очень обстоятельный очеркъ, хотя освѣтилъ въ ней личность Радищева нѣсколько ложнымъ свѣтомъ. Статью не разрѣшили печатать въ журналѣ, для котораго она предназначалась, и читатель познакомился съ ней только черезъ 20 лѣтъ, въ полномъ собраніи сочиненій Пушкина.

Другія попытки познакомить русское общество съ запретнымъ писателемъ были предприняты заграницей.

Самъ находившійся въ опалѣ и изгнаніи борецъ свободы А. И. Герценъ напечаталъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» въ своей лондонской типографіи, и отсюда же книга проникла въ Россію. Потомъ ее перепечатали въ Берлинѣ. Но большого распространенія въ Россіи, конечно, она не имѣла.

Тамъ, на чужбинѣ, въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ смерти Радищева его мысли нашли временный пріютъ, чтобы потомъ снова вернуться въ родную страну въ годину торжества свободы и свѣтлыхъ идеаловъ. Но пока, въ теченіе этихъ многихъ лѣтъ, въ родной странѣ шло гоненіе на мысли и идеалы Радищева.

Въ 1872 году полное собраніе сочиненій Радищева, уже совсѣмъ приготовленное къ выходу въ свѣтъ, было конфисковано и уничтожено.

Даже въ 1903 году перепечатка «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» была остановлена цензурой и напечатанная книга сожжена, несмотря на то, что еще въ 1868 году официально было снято запрещеніе съ многострадальной книги.

Только 1905 годъ принесъ освобожденіе и Радищеву. Путешествіе и сочиненія писателя появились сразу въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

Такова исторія книги. Но это вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія русской общественной мысли. Радищевъ, какъ одинъ изъ первыхъ зачинателей того движенія, которое привело наконецъ къ освобожденію нашей страны, прекрасно выразилъ чаянія передового русскаго общества. Онъ такъ вѣрно и полно превосходилъ все то, чѣмъ жило наше общественное движеніе на пространствѣ всего XIX вѣка, что вольнодумца - писателя неизбѣжно вспоминали всякій разъ, когда русская общественная мысль пробуждалась съ наибольшею силою.

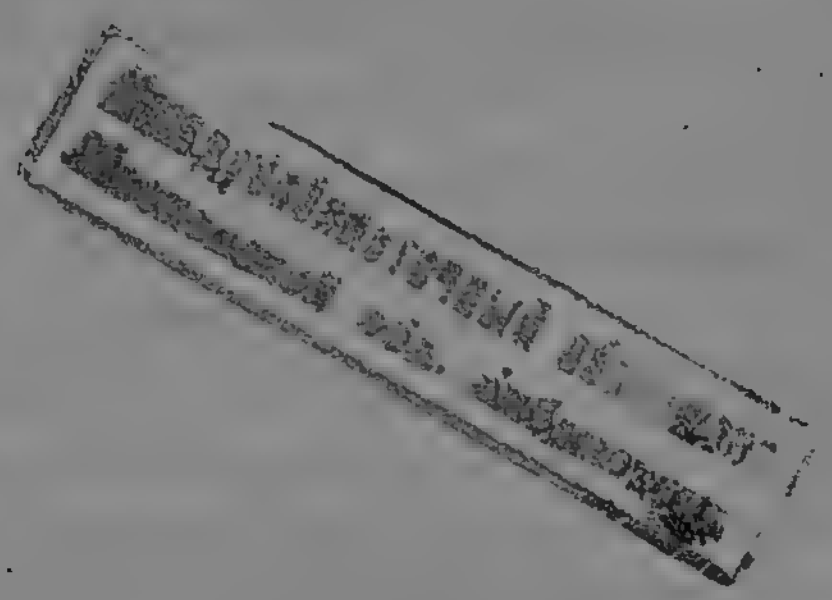
Такъ было въ 60-хъ годахъ, въ періодъ великихъ реформъ. Освобожденіе крестьянъ, реформа суда, облегченіе положенія печати—все это было какъ будто осуществленіемъ части того, о чемъ говорилъ Радищевъ. Имя его вспоминается въ эти годы съ чувствомъ признательности. Даже люди другихъ убѣжденій съ теплымъ чувствомъ говорили о Радищевѣ.

Князь Н. Голицынъ писалъ М. П. Погодину по поводу манифеста 19 февраля 1861 года: «Совершилось! И мы бодро ступили великій шагъ, который порвалъ навсегда оковы наши на поприщѣ современной и будущей исторіи... Что, Михаилъ Петровичъ, если бы воскресли мертвые, наши добрые страдальцы за

славу Русскую, если бы изъ земли поднялись Посошковъ, Петръ, Радищевъ, Карамзинъ, Пушкинъ и другіе недавно отошедшіе братья*).

Въ юбилейный 1911 годъ, когда вспоминали дѣятелей освобожденія крестьянъ, точно такъ же съ особеннымъ чувствомъ вспоминали и народнаго заступника Радищева.

Въ дни первой революціи 1905 года и теперь въ дни освобожденія Россіи наши мысли съ благодарностью устремляются въ глубь вѣковъ къ именамъ людей, которыми мы гордимся, къ именамъ людей, боровшихся за то, чего мы достигли сейчасъ, къ именамъ людей, среди которыхъ стоитъ первымъ имя Радищева.



*) Кн. Голицынъ называетъ пять именъ безъ особеннаго разбора: рядомъ стоятъ у него свободолюбецъ Радищевъ и крѣпостникъ Карамзинъ. Но самое упоминаніе имени Радищева съ сочувствіемъ характерно для этого времени. Посошковъ самоучка-крестьянинъ тоже пострадавшій за свои убѣжденія и нападки на «сильныхъ персонъ».

Для дальнѣйшаго знакомства съ жизнью и произведеніями А. Н. Радищева укажемъ:

— **Полное собраніе сочиненій А. Н. Радищева.** Ред., вступит. статья и примѣч. В. В. Каллаша, тт. I и II. М. 1907. Изд. В. М. Саблина.

Наиболѣе полное, лучшее изъ другихъ собр. соч.

— **«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» А. Н. Радищева.** Спб. 1905. Изд. Обществ. Пользы.

Лучшее изъ отдѣльныхъ изданій «Путешествія». Прекрасное съ внѣшней стороны, оно очень цѣнно статьями Н. П. Павлова-Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

— **В. А. Мякотинъ.** На зарѣ русской общественности.

Краткій, но содержательный, очеркъ біографическаго характера. Въ отдѣльномъ изданіи («Донская Рѣчь» 1904 г.) его трудно найти. Былъ напечатанъ въ сборникѣ памяти Н. К. Михайловскаго «На славномъ посту», а затѣмъ въ сборникѣ статей В. Мякотина: «Изъ исторіи русскаго общества».

— **Александръ Николаевичъ Радищевъ.** Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Составилъ В. И. Покровскій. М. 1907.

Данъ рядъ статей, широко освѣщающихъ жизнь и литературную дѣятельность Радищева. Очень полезенъ въ дѣлѣ ознакомленія съ какой-нибудь опредѣленной стороной жизни или дѣятельности писателя.

Статьи расположены хронологически, соотвѣтственно періодомъ жизни Радищева, и въ общемъ даютъ нѣчто цѣльное. Этотъ сборникъ можно найти также въ XV т. Исторической хрестоматіи В. И. Покровскаго.

— П. Н. Милюковъ.—Очерки по исторіи русской культуры ч. III.

Это—полезная книжка для знакомства съ выработкой міросозерцанія Радищева.

— А. Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Спб. 1889, стр. 310—340.

Здѣсь больше всего можно найти о его путешествіи изъ Петербурга въ Москву.

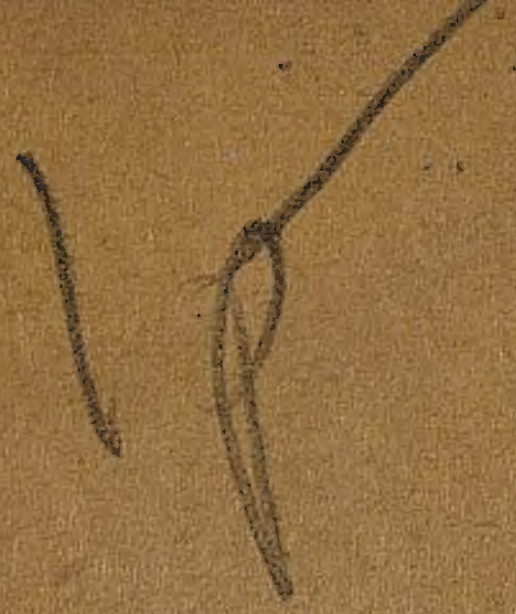
— В. Е. Якушкинъ.—Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ «Русская Старина» 1889, сентябрь.

У Якушкина освѣщено дѣло Радищева, судъ надъ нимъ и впечатлѣніе, какое все это произвело на общество.

Центральный архивъ
Нижегород. обл. библіотеки

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Вѣкъ Екатерины	1
II. Дѣтство и годы ученія	10
III. Жизнь въ Петербургѣ	19
IV. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Гражданскія убѣжденія Радищева	30
V. Крѣпостное право и протестъ Радищева .	46
VI. Судъ надъ писателемъ	58
VII. Радищевъ въ Сибири	70
VIII. Возвращеніе въ Россію	81
IX. Снова въ Петербургѣ. Смерть	91
X. Отношеніе потомства къ Радищеву . . .	98
Библіографія.	



Цѣна 8 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ПЕТРОГРАДЪ К-во «ОГНИ»
7-я рота, 26, т. 252-56
Надеждинская, 3, т. 224-00.